

Салюки, затерявшийся в бордовом

Роберт Рикман

Robert Rickman
Салюки, Затерявшийся
В Бордовом

Роберт Рикман
Салюки, затерявшийся в бордовом
Перевод с английского
Елена Амберова
© 2012 Роберт Рикман
Все права защищены

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу поблагодарить всех людей, оказавших мне помощь в реализации этого проекта. Почти 8 лет жизни я потратил на работу над этой книгой, сидя перед монитором компьютера и блуждая мыслями в 70-х годах. Несмотря на то, что писательский труд – это занятие одиночки, я не был одинок. Натан Бек, выпускник SIU 2007 года, стал консультантом. Натан, магистр изящных искусств, взялся за сочинителя ра-

диопрограмм и научил его писать художественную литературу. Сандра Барнхарт, сотрудник общественной библиотеки Карбондейля, сыграла существенную роль в компоновке рукописи для подготовки ее к публикации. Мэри Мечлер, магистр бизнеса, выпускница центра содействия развитию малого бизнеса при университете SIU 1993, помогла мне разработать маркетинговый план для книги «Салюки, затерявшийся в бордовом», а также обучила всем необходимым навыкам, начиная с разработки веб-сайта и заканчивая визитными карточками. Фото с предзакатным озером в кампусе для обложки книги сделал Тейлор Рид, бакалавр, выпускник 2009. Боб Кернер из Ла-Верны, Теннесси, сделал фото для задней стороны обложки. Хотя Бо и не выпускник SIU, специально для этого случая он надел бордовую футболку. «Ассоциация выпускников SIU» помогла мне с реализацией книги среди выпускников университета, живущих в разных концах земного шара. И, наконец, выражаю особую благодарность выпускникам факультета «Телевидения и радиовещания» Бобу Смиту (выпуск 1973) и Роджеру Девису (выпуск 1972), оказавшим мне помощь в вычитке и маркетинге романа.

Предисловие

Два неистовых потока слились вместе в середине 20-го века в Америке — движение за мир и молодежь. Это было одно огромное безумие — эпоха молодежи, кайфующей под звуки хаотичной музыки, ультрамодных шмоток фирм Kickin'

stash и Swingin' chicks и насилия. Университет в Беркли занимал лидирующую позицию по кампусным беспорядкам.

В трех тысячах километрах на восток расположился свой «университет в Беркли» – Университет Южного Иллинойса в Карбондейле, или SIU. В 1969 году какой-то поджигатель спалил здание «Олд-Мейн», самую древнюю постройку в городе. Когда весной 1970 года Национальная гвардия застрелила четверых студентов в Кенте, штат Огайо, университет SIU закрыли из-за массовых беспорядков, а ректор подал в отставку.

Нервозности также добавлял расширившийся перечень правонарушений в тринадцати самых южных графствах Иллинойса. Одно из самых разрушительных землетрясений в смежных 48 штатах обрушилось на регион в начале девятнадцатого века. В 1922 году 23 шахтера были убиты во время резни в Херрине. Огромное торнадо трех штатов, самое смертоносное в истории Америки, пронеслось по ее территории в 1925 году, убив 695 человек. Подземный взрыв в шахте «Нью-Ориент Майн» унес жизни 119 шахтеров в 1951. И совсем недавно, в мае 2008 года, образовавшийся вдали от моря ураган, породил три торнадо в Южном Иллинойсе, оставившие после себя вырванные с корнем деревья, разбитые окна и разрушенные здания.

Той осенью 58-летний Питер Федерсон приехал в университет SIU после того, как проглотил горсть таблеток, запив их алкоголем. Находясь в глубокой депрессии, бывший

«салюки» заполз под перевернутую байдарку на берегу озера, погрузился в беспмятство и пополнил собой длинный статистический список экстраординарных событий региона. Так как проснувшись, Питер обнаружил, что мир вокруг него изменился, став таким, каким он запомнил его в далеком 1971-м.

Глава I

Что-то явно не так с моим эмоциональным термостатом. То хорошее, что случается в моей жизни, заставляет меня нервничать, плохое нервирует меня еще больше, а неизвестность приводит меня в полное иступление. Но при этом я терпеть не могу скуку и однообразие. И так я живу все 58 лет своей жизни.

Эскадрон моих внутренних гремлинов, обитающих глубоко в подсознании, радостно раскручивает диск моего термостата. Выживая плохие воспоминания, они искажают их, превращая в собственные пародии, раздувают до невероятных размеров и грубо выталкивают на поверхность сознания. Гремлины используют мои воспоминания, чтобы выкручивать мои нежные нервы, пока я не начну корчиться в агонии.

Цепочка этих химических соединений, потому как эти гремлины — не что иное, как неправильно функционирующие в мозгу химические элементы, образовалась в конце 1960-х годов, растянувшись до настоящего времени. Эта длинная и искромсанная цепочка представлена демониче-

ским послужным списком моей трудовой биографии.

Я работал охранником, корректором, учителем в школе для взрослых, дворником, официантом, билетёром, плотником, диск-жокеем в баре и на радио, фотографом и упаковщиком в супермаркете. После того, как меня исключили из университета, я отслужил рядовым в армии США. Это была наихудшая работа в моей жизни.

Лучшей работой была должность новостного репортера и радиоведущего в Айове и Калифорнии. Работать в прямом эфире — мой талант номер один. Занятие, для которого я был создан, за исключением одного аспекта — я не в состоянии выносить продолжительный стресс. Я мог сдерживаться какое-то время. Может, несколько месяцев, иногда даже лет. Но, в конце концов, пробка не выдерживала и с громким хлопком вылетала из бутылки моей сдержанности, давая волю охваченным гневом гремлинам.

Потом я или сам бросал работу, или меня увольняли, или же происходило и то и другое одновременно. При этом ни бывший работник ни бывший работодатель так толком и не понимали, что же произошло на самом деле.

С последней работы на радиостанции меня уволили в 1999-м году после конфликта с комментатором новостей из-за того, как следует правильно произносить название пригорода Чикаго Десс-Плейнс. Так как я сам родом из Чикаго, я сказал ему, что правильно произносить это название: "*Десс-Плейнс*". Несмотря на это, он вышел в эфир с каким-то

странным французским акцентом, и я назвал его лягушкой. Я не знал, что его предки были родом из Франции.

Свою последнюю работу я потерял в обычном для меня эффектном стиле в ясный осенний день в 2009-м. Это была работа в компании «Тестинг Анлимитед», офис которой располагался в конце улицы, где я жил в Фокс-Лейке, штат Иллинойс, еще одном пригороде Чикаго. Эта должность попадала под квалификацию «неполная занятость/нерегулярная», что означало, что я не мог претендовать на соцпакет и пособие по безработице, а также работал лишь шесть-восемь месяцев в году. Иногда на протяжении недель я не знал, в какие именно дни мне нужно будет выйти на работу и на сколько часов в день. Меня это устраивало. Эта работа не предоставляла мне никаких гарантий безопасности, и, хотя отсутствие надежности само по себе скверно, но идея сменить эту работу на какую-то получше казалась еще ужаснее.

Широко улыбаясь, менеджер называл наше занятие интеллектуальным эквивалентом рытья траншей. Группа, состоящая из сотни таких как я, – все с университетским образованием за плечами, – усаживалась на раскладных стульях, по двое у каждого стола, оснащенного компьютером, клавиатурой и мышкой. Наша работа состояла в оценивании тестов начальной школы. Иногда в них попадались абзацы с описанием любимых питомцев, а порой мы оценивали целые сочинения о том, как ребенок провел летние каникулы.

Последняя траншея, которую я вырыл для этой компании,

заклучалась в вопросе правильного написания слова «кот». Инструкции, выданные нам перед началом проекта, были предельно просты: «кот», написанное без ошибок, получало два балла. Если же написание было близко к правильному, например, «кат» или «кет», за него ставили один бал. За всё остальное ставили 0.

Но родители одного ребенка потребовали перепроверить его оценку, апеллируя к тому, что к-р-о-т может стать добычей, на которую охотится к-о-т. И что крот – это тоже зверек, у которого есть четыре лапы и хвост, и поэтому заслуживает одного балла. К тому же, они схожи в написании и во внешности, если не смотреть на крота прямо, и, если он окажется достаточно крупным.

Управление по делам образования в штате стало на сторону родителей, благодаря чему общее правило, состоящее из двух простых предложений, превратилось в запутанную инструкцию, занимающую пять страниц. Нам приходилось проверять 6 работ в минуту, 360 в час, 2 700 за восьмичасовой рабочий день. У нас было два перерыва по пятнадцать минут и один получасовой, чтобы пообедать. Компьютер контролировал нашу работу с беспощадной точностью.

После месяца работы со всеми этими словами: «кот», «крот», «скот» и «друг» (1 балл), моя концентрация снизилась, что отразилось на скорости и точности работы, и, как следствие, породило множество внутренних страхов. Поэтому я решил ставить перед собой производственные задачи и

отмечать прогресс новой галочкой на листике-наклейке после каждой выставленной оценки.

Однажды осенью 2009 я сдвинул очки с толстыми стеклами к кончику носа, чтобы рассмотреть листик с галочками поближе, и досчитал уже до 552 галочки, когда Джим, главный копатель траншей, внезапно разрушил всю мою концентрацию.

– Эй, Питер, – заговорил он своим тихим монотонным голосом.

Карандаш выпал у меня из рук.

– Что?

– Посмотри на эту работу...

Нависнув надо мной, он набрал на клавиатуре несколько букв и щелкнул кнопкой мышки. На экране появилась письменная работа.

– Тут должен быть один балл, – сказал он.

Я посмотрел на него рассерженно.

– Для меня это выглядит как "к-о-т".

– Ну, если ты присмотришься внимательнее к последней букве, то заметишь, что то, что кажется верхней частью буквы «т» – просто случайный штрих.

– Для меня это всё равно буква «т», – я посмотрел на него строго.

– Я показал это Бекки, и она согласилась, что последняя буква – это не буква «т». Так что нам нужно изменить балл на единицу.

– Правда, нам нужно, да? Ладно, и сколько же времени вы с Беки потратили, изучая эту букву?

Джим почувствовал себя неудобно.

– Около десяти минут, затем отнесли эту работу Биллу, – ты знаешь Билла, заведующего проектом, – и он изучил ее при помощи «Апелляционной программы». Ты ведь знаешь, это специальная программа, использующая алгоритм нечеткой логики для анализа детского почерка. Как бы там ни было, Билл согласен с нами, что здесь следует поставить один балл.

Теперь Джим уставился на меня. Я повернулся к нему и спросил:

– Ладно, кто тогда, черт побери, оценивает эту работу? Беки, Билл или я?

– Конечно ты.

Джим выглядел испуганно.

– Отлично, в таком случае, это два бала.

– Мистер Федерсон, думаю, нам нужно поговорить с Биллом.

Внезапно обычно добродушный Джим перестал быть добродушным.

Трудно понять, как один доктор наук, два человека с дипломами магистров в области английской филологии и парень, имеющий за душой два года обучения в университете (я), могли устроить такой скандал из-за написания слова «к-о-т». Но именно это мы и сделали.

Вот так я и потерял работу в компании внешнего независимого оценивания. Как обычно, это не имело никакого значения, уволился ли я сам, или меня вышвырнули с работы. А на прощанье «Заведующий проектом» Билл посоветовал мне обратиться за профессиональной медицинской помощью.

Как будто я никогда прежде этого не слышал.

Я швырнул свой пропуск на стойку администратора, с решительной угрюмостью направился к стоянке автомобилей и... не смог открыть дверь своего Dodge Charger 1976 года выпуска. После пары ударов кулаком дверь с ржавым скрипом открылась, и вскоре под оглушительные звуки мотора я выезжал со стоянки, оставляя за собой облака сизого дыма.

Я бесцельно кружил по городу, сжигая дорогой бензин, пока не спалил всё свое раздражение. Мой Charger был практически убит в хлам. Я никогда не мыл его, не смазывал воском, не менял масел, – ни разу даже не взглянул на показатель уровня, и так и не избавился от огромной вмятины на задней левой панели кузова. Приборная доска растрескалась на кусочки. Радио и кондиционер не работали уже много лет. Обертки от фаст-фуда, чеки из супермаркетов и хрупкие конверты старых писем покрывали собой весь пол. А на заднем сиденье возвышалась куча грязной одежды для стирки, что скапливалась там на протяжении нескольких недель.

Я бросил взгляд сквозь покосившееся зеркало заднего вида на эту кучу, потом перевел взгляд вниз и рассмотрел то,

во что был одет: грязная деловая рубашка в тонкую полоску, воротник не застегнут, носки от разных пар. Как бы я терпеть не мог заниматься хозяйственными делами, пришло время заняться стиркой.

Вскоре я уже парковался у местной прачечной самообслуживания и, как обычно в день стирки, градус моей взвинченности пополз вверх, так как в памяти оживали воспоминания о том, как мои мокрые вещи вынули из сушилки, свалив их в кучу на полу, и загрузили в нее собственные.

Источником этого раздутого гремлинами воспоминания стал инцидент в прачечной общежития времен моей учебы в Университете Южного Иллинойса в 1971. Как обычно, гремлины истязали меня, пока я наблюдал за своими шмотками 2009 года, кружащимися в сушилке. Когда сушилка выключилась, я открыл дверцу, чтобы пощупать вещи.

Всё еще влажные! Черт!

Потянувшись в карман за парой драгоценных четвертков, я нащупал липкий кожаный футляр мобильного телефона. Я уже давно не разговаривал с Рональдом Стакхаузом. Это он помог мне привести в порядок мысли во время моей работы на WSIU – радиостанции на юге, чтобы я не сидел после эфира, уставившись в одну точку и не зная, что сказать. В 1999-м он помог мне найти другую работу, когда меня вышвырнули за дверь новостной радиостанции WREE, и снова помог мне встать на ноги, когда меня выгнали с работы охранника, потом корректора, а потом дворника. Он всегда

относился ко мне с великолепным тактом, словно не уметь удержаться на рабочем месте, несмотря на все причиняемые неприятности, было всего лишь следствием сбоя в грандиозной системе жизни. Рональд был воплощением стабильности, так что гремлины его боялись.

Я нажал кнопку быстрого набора номера, но ничего не последовало, так как батарея снова сдохла. Заряда не осталось фактически совсем. Я быстро запихнул телефон назад в карман, пока не поддался импульсивному желанию швырнуть его в корпус сушилки.

Час спустя я забросил выстиранные вещи на заднее сиденье машины, туда, где они будут валяться еще несколько недель, потому как возвращаться в дом им предстоит по частям, по мере возникновения в них необходимости. Перемены приводили меня в стрессовое состояние, даже небольшие. А что касается осени 2009, в тот период я вносил в свою жизнь всё меньше и меньше изменений, не желая терять то небольшое, что у меня осталось.

Нащупав переходник мобильного телефона на заднем сиденье, я подключил его к прикуривателю и позвонил Рональду. Он еще не успел сказать: «Алло», когда я рявкнул в трубку.

– Черт подери, Рональд, это был чертовски ужасный день!

– Кто? Что? А, это ты, Пит?

– Черт побери, да, это я! Я сейчас в прачечной. Ты помнишь того сукина сына, что выбросил мои мокрые вещи из сушилки и бросил их на пол, когда мы учились в универси-

тете?

– Он что, снова это сделал?

– Смешно, Рональд! Ты *помнишь это?*

– Пит, это было почти сорок лет назад.

– Ну, для меня это было словно вчера, потому как пару минут назад наблюдая, как мои шмотки крутятся в сушилке, я снова пришел в бешенство от этих воспоминаний.

– И что?

– Больше ничего, только это.

– Пит, ты снова пил сегодня много кофе?

– Еще нет. Это моя следующая остановка.

– Лучше не делай этого. Ты ведь знаешь, что кофе усиливает твое, эээ, ну ты знаешь...

Когда голос Рональда замолк, я завел машину.

– Рональд, я сегодня потерял работу, – сообщил я, выезжая со стоянки.

– Что? Нет... Что случилось?

– Как обычно. Конфликт.

На другом конце связи повисла пауза. Я свернул и выехал на улицу.

– Пит, – сказал Рональд. – Ты знаешь формат: отдохни несколько дней, обнови резюме, приготовь приличную одежду для собеседования...

Этот совет я слышал от Рональда уже множество раз. И каждый раз он оказывался прав.

– Возможно, у меня кое-что есть для тебя, чем бы ты мог

заняться... – продолжал Рональд. – У тебя еще есть твой классный микрофон и ноутбук? Ты еще подключен интернету?

– Да.

Я уже знал, что за этим последует.

– Ну, ты мог бы начитывать несколько передач в день для радиостанции. Тебе не придется освещать никаких новостей. Тебе даже не придется писать о них, и оплата хорошая.

Рональд работал на радиостанции WSW в Омахе.

– Рон, – я уже перегорел радио... Я...

Я уже чуть не плакал, и думаю, Рональд это почувствовал.

– Послушай, Пит, возьми паузу, отдохни. Соберись с мыслями и перезвони мне через несколько дней, мы поговорим. Хорошо?

– Хорошо, – выдавил я из себя.

Я не знаю, что Рональд во мне нашел. Я правда не знаю.

Швырнув мобильник на заднее сиденье, я попал им прямо в ворох выстиранной одежды, как раз в тот момент, когда заезжал на стоянку перед «Шоп Кинг». В этом супермаркете можно было найти не только продукты по самым низким ценам в Фокс-Лейке, но и поглазеть на 25-летнюю рыжеволосую красотку Лилли. Я нашел флакон парфюма «Олд Спайс», что катался внизу на полу, обильно сбрызнул им лицо и направился внутрь.

Через несколько минут я уже стоял в конце очереди к кас-

се Лилли. В руке я держал корзину, на дне которой стояла 450-граммовая банка с черно-белой наклейкой с единственной надписью: "АРАХИСОВАЯ ПАСТА". Вид Лилли, сканирующей арахисовую пасту, буханку 99-центового хлеба, небольшую луковицу и маленькую баночку майонеза, вытащил меня из отвратительной депрессии, переместив в состояние безграничной радости. Когда она добралась до банки с тунцом, я созрел для действий.

– На самом деле это не для меня, – сказал я. – Это для моего ручного тигра.

Лилли подняла на меня безучастный взгляд. Она знала, что не стоит тратить силы на ответ, но ей уже было настолько скучно, что она воспользовалась даже таким поводом чуть-чуть развлечься.

– Ручного тигра? – спросила она.

– Да, он остался в машине. Хочешь на него взглянуть? Ему нравятся хорошенькие девушки.

Боже, как же это тупо.

Лицо Лилли словно окаменело.

– Нет, мой парень не любит тигров, – ответила она, швырнув мне пластиковый пакет с продуктами. Она постаралась сделать так, чтобы наши пальцы не соприкоснулись, когда я забирал пакет. Быстро повернувшись к следующему покупателю, девушка тут же забыла о нашем разговоре.

Я снова погрузился в глубокую депрессию, но направляясь к выходу, фланировал так, словно был самым счастли-

вым человеком на свете. Я даже насвистывал отрывок из рапсодии Листа.

Гремлины разодрали пакет, когда я ставил его в машину, и продукты рассыпались по полу в разных направлениях. Не было никакого способа избавиться от этих вредных мелких ублюдков. Профессионалы пытались это сделать, но всё было зря.

Один консультант начертил круг, нарисовав внутри него точку, что обозначала «Я», и на протяжении двух месяцев десятками разных способов убеждал меня в том, что большинство «Я» людей по своей сути хорошие, и что проблемы происходят за пределами этого круга. Люди хорошие, просто они совершают плохие поступки.

Еще один психиатр прописал мне трициклический антидепрессант и «Паксил» от тревожности. Затем он выписал мне «Риталин» для компенсации энергетического истощения из-за «Паксила» и лечения побочного эффекта – синдрома дефицита внимания.

– Лучше жить на лекарствах, – говорил мне психиатр с довольной улыбкой на лице, выписывая рецепт.

Всё, что я пробовал, работало какое-то время, пока мой мозг не начал оказывать сопротивление каждому, кто пытался его починить. Я забыл, что люди по сути своей хорошие, и начал употреблять всё большие и большие дозы лекарств, чтобы справиться с тревожностью, апатией, гиперреактивностью, депрессией, СДВ. Это привело к тому, что я начал всё

больше и больше путаться в собственных мыслях, пока летом 2009 не почувствовал себя так, словно теряю собственную личность и превращаюсь в жесткий диск.

Моей следующей остановкой было кафе и булочная «Мэллоу Граундс», расположенная в одном из этих современных зданий, что построены в таком стиле, словно им уже под сотню лет. На современных стенах – искусственно состаренная штукатурка, по которой расползлись трещинки, и отслаивающаяся местами краска. Однако стульям с прямыми спинками, возможно, уже лет семьдесят, а столы с грифельным покрытием выглядят так, словно когда-то давно их использовали в биологической лаборатории средней школы, где на них расчленяли лягушек. Людям нравилось это место, оно «напоминало» им о старых, добрых временах, в которые они никогда не жили.

Каждый раз, заходя туда, я начинал испытывать боль в правом плечевом суставе и ощущал приближение приступа гнева. Как и прачечная самообслуживания, кафе напоминало мне один неприятный инцидент, что произошел со мной летним утром 2008 года в кафе «Демоник Граундс Кофе Импориум», расположенном в другом конце города.

Тем утром я выпил свою обычную дозу «Риталина», трициклического антидепрессанта и «Паксила», и чувствовал себя так, словно балансировал на лезвии ножа между состоянием мрачной апатии и неукротимого бешенства.

Обнаружив, что с меня взяли плату за тройное латте, то-

гда как мне подали большую чашку обычного кофе, я потребовал разговора с менеджером. После короткой дискуссии, я окончательно остановился на стороне неукротимого бешенства и накинулся на менеджера с кулаками. Однако промахнулся и врезался в стену, ударившись о нее головой и плечом, следствием чего стал ушиб плечевого сустава и крах моего жесткого диска, так сказать.

Выйдя из тюрьмы следующим утром, я зашвырнул свой пузырек с таблетками в другой конец спальни и оставил непристойное голосовое сообщение своему психиатру, закончив таким образом наши отношения.

К осени 2009 года гремлины вышли из своей медикаментозной комы и снова принялись грызть мне мозг. Это вызывало во мне зудящее ощущение в области солнечного сплетения, которое я называл «мандраж». Жаль, что не было такой таблетки, которая могла бы очистить меня от этого «мандража». Если можно очистить кишечник, то почему нельзя очистить ум?

Этим вечером в «Меллоу Граундс» я применил всю свою силу воли, чтобы не взорваться после фиаско с Лилли, но бармен встал на сторону моих гремлинов. Он разговаривал одновременно и со мной, и с кем-то за окном выдачи через один из этих подвесных микрофонов, торчащих из уха. Он выглядел так, словно в любом командно-диспетчерском пункте страны он чувствовал бы себя как дома. После обычной путаницы по поводу того, к кому он обращается, – к раз-

драженному водителю за окном выдачи или страдающему от мандража клиенту, стоящему прямо перед его носом, – я получил свой кофе и сел за ближайший секционный столик. Бармен, казалось, испытал облегчение.

Как обычно, я был ужасно одинок, и испытывал смутное, нереалистичное желание пообщаться с кем-нибудь этим вечером. Но, казалось, что все 20 или около того посетителей кафе писали сообщения, разговаривали по мобильным телефонам, слушали свои айподы, работали на ноутбуках или читали электронные книги. Все были на связи, кроме меня.

Я осушил залпом свой «Гросс Суд Американер Каффе», что в переводе на английский 20-го века означало «большая чашка кофе». Возможно, чашка оказалась слишком большой, потому как встав из-за стола, я почувствовал себя так, словно в затылке что-то взорвалось, стремясь вырваться наружу, и это что-то понесло меня к выходу из кафе на невероятной скорости. И в тоже время скорость моего восприятия замедлилась настолько, что я мог рассмотреть каждую фальшивую трещинку в штукатурке стены до мельчайших подробностей. Мышление начало расползаться на кусочки, как эта штукатурка, только в моем случае речь не шла ни о какой имитации.

Поездка домой сквозь мрачную, неровную дымку уличных фонарей и проносящихся мимо теней заняла десять минут. Заехав в парк трейлеров, я увидел, как единственная работающая фара машины осветила неестественным светом

мой миниатюрный палисадник, изменив потускневший зеленый цвет моего трейлера на белый, как мел. Телевизионная антенна на крыше выглядела, как искореженный крендель из-за шторма, обрушившегося на нас десять лет назад, а опора почтового ящика, в которую я врезался на машине в прошлом году, отбрасывала на землю неровную тень. В свете фары я увидел, что весь фасад трейлера утратил свой изначальный цвет, чего раньше я не замечал.

Выпрыгнув из машины, я прижал очки плотнее к носу, чтобы лучше видеть, и заметил, что вся боковая стена трейлера отслаивается от рамы. Мне нужно срочно что-то с этим делать, – думал я, – трейлер разваливается на части, и если присмотреться внимательнее, *со мной происходит то же самое.*

Глава II

Следующим утром я проснулся в полдень, страдая от последствий употребления чрезмерного количества кофе, и несколько секунд думал, что это худшая из моих проблем. Но протерев глаза, я почувствовал, что умеренная тревожность, что уже давно подспудно присутствовала в моей жизни, словно подводное течение, быстро увеличилась до полноценной атаки мандража.

Я потерял работу.

В тот же миг гремлины ухватились за паутину моих нервов, окружающих сердце, заставив меня вскочить на ноги. Я побежал в кухню к единственному ящику в трейлере, в ко-

тором поддерживал порядок, и вытащил из него лист бумаги, ручку и авокадо, что пропало летом. Я выкинул авокадо в переполненное мусорное ведро у мойки и одним широким движением руки смахнул на пол весь хлам с кухонного стола.

В искусном письме, что я написал в «Тестинг Анлимитед», я поставил под сомнение мудрость правительства штата, заставившего первоклассников проходить стандартизированные тесты. И всё это только для того, чтобы показать, как умны эти дети и получить еще больше федеральных денег... для проведения большего количества тестов. Я также считал пустой тратой денег платить десять долларов в час людям с университетским образованием, чтобы те проверяли правописание слова «кот». И в самом конце, уже почти совсем неразборчиво, я написал бранное слово, предложив, чтобы один из их докторов наук со ставкой 13 долларов в час прочитал это слово совету директоров и проверил, сумеют ли *они* написать его правильно. Подписав письмо закорючкой, я запихнул его в конверт, написал адрес, приклеил три или четыре марки и вышел с ним к почтовому ящику.

Этот трейлерный парк выглядел прилично, когда я въехал сюда в 1989-м. Но теперь траву косили нерегулярно, бордюрные камни подъездной аллеи куда-то исчезли, и мусорный контейнер ломился от пакетов с мусором. А многие жильцы выглядели как измученные люди, что работают за низкую ставку полный рабочий день, после чего идут на дополнительную низкооплачиваемую работу, чтобы позволить се-

бе заплатить 600 долларов в месяц за аренду места и купить бензин для 15-летней машины.

В почтовом ящике возвышалась кипа рекламной рассылки, а сверху лежало письмо от родителей. Я стянул очки к кончику носа, чтобы прочитать письмо. Оказалось, что отцу с матерью пришлось потратить несколько тысяч долларов, чтобы замостить палисадник и избавиться от газона. Но это сэкономит им кучу денег на будущих счетах за воду. Кажется, Лос-Анджелес снова оказался в эпицентре очередной засухи.

Под письмом от родителей лежал счет от Гарри Мортон, врача. При обычных обстоятельствах я даже не стал бы открывать этот счет, но извращенное желание испытать неприятные эмоции – гремлины терпеть не могли скуку – заставило меня распечатать этот конверт.

Первым, что я увидел, оказалась сумма в 4 579, 92 долларов, – стоимость компьютерной томографии, которую я прошел полгода назад. Мой терапевт решил, что мне нужно сделать рентген грудной клетки из-за хронического кашля и отправил меня к кардиологу. Тот, в свою очередь, послал меня на компьютерную томографию, потому что у меня было умеренно высокое кровяное давление, которое мне лечили ингибитором АПФ.

Я пытался объяснить всем, что причиной кашля был этот ингибитор, который я прекратил принимать. После чего кашель тоже прекратился. Но терапевт настаивал на необходи-

мости рентгена грудной клетки, а кардиолог на компьютерной томографии, несмотря на то что стресс-тест, электрокардиограмма и другие анализы оказались в норме.

– Вы не можете прикрепить ценник к вашему здоровью, – предостерегал меня кардиолог с улыбкой торговца поддержанными автомобилями.

– Успокойтесь, я только что звонил в вашу страховую компанию. Они покроют эти расходы! – сказал мне помощник врача.

Моя страховка покрыла 77, 64 доллара.

И какой результат? Высокое кровяное давление, поддерживаемое в норме лекарством, вызывающим кашель стоимостью в 4 502,28 долларов.

Прижав почту к груди, я прошел по извилистой дорожке к двери своего трейлера и швырнул всё на пол к остальному хламу. Стремясь снова приласкать покусавшего меня пса, я открыл буфет, распугал тараканов, открыл новую банку кофе с цикорием и заварил себе кружку черного, как уголь, кофе. Как раз, как я люблю. Остаться дома, выждать, пить кофе и избегать любой стимуляции нервной системы. Это было то, что нужно.

Но я продолжил рассматривать почту. Следующим в пачке оказалось еще одно письмо, которому я совсем не обрадовался. Оно было от Марты, студентки-хиппи, с которой я познакомился много лет назад во время учебы в университете SIU.

Нежданно-негаданно, по прошествии почти 40 лет, этим летом стали приходить письма от Марты. Я ни разу не ответил ни на одно из них. Эти письма приводили меня в полное недоумение, но я все равно читал их, потому что они были такие... интересные. Как раз это оказалось совершенно восхитительным:

Дорогой Питер,

Надеюсь, у тебя всё круто. Полагаю, тебя осенило прозрение насчет того инструмента, и жизнь твоя теперь в полном порядке.

Помнишь, о чем мы с тобой разговаривали, когда учились в SIU? О том, что твои проблемы решит наука. Ладно, если не наука, тогда, возможно, магия!

Ха-ха-ха.

Если твоя жизнь изменилась, ты поймешь, о чём я. Но если нет, тогда ты не будешь знать, о чем, бл..., я с тобой разговариваю. В любом случае, напиши мне. Я хотела бы получить весточку от самого вменяемого из всех парней, что я встречала.

Твой друг,

Марта.

Я не помнил, чтобы когда-либо разговаривал с Мартой больше, чем пару секунд. Только слова «Привет» и «Пока» в кафетерии колледжа сорок лет назад. Это был первый раз, когда я вообще взглянул на ее обратный адрес. Почерк был неразборчив. Кроме слова «Карбондейль» и первой буквы

ее фамилии, начинающейся с «М», ничего нельзя было разобрать. Я взял ее загадочное письмо и бросил его в свой новый ящик для почты – на пол. К тому времени я уже утратил всё терпение, распечатывая конверты, поэтому остальные тоже швырнул на пол, оставив их нераспечатанными.

Я проверил, закрыта ли входная дверь. Несмотря на то, что я с трудом терпел действовать по распорядку, сюрпризы я не переносил вообще. Я никогда не открывал дверь, если никого не ждал, поэтому убедился, что я точно никого не жду. То же самое касалось ответов на телефонные звонки и электронную почту. Я вычислил, что, если не буду читать, видеть или слышать плохие новости, тогда у гремлинов не будет чем меня мучить.

Я также предпочел обойтись без принятия решений, даже небольших, таких, например, как относительно того, каким образом сделать уборку в трейлере, что по мнению психиатров, вводило меня в состояние «внутреннего конфликта». Щетка стояла у стены в спальне уже больше года, потому что, я, хоть тресни, не мог решить, с чего начать свой уборочный проект.

Должен ли я сначала пропылесосить ковер? Ковер был покрыт пятнами, кофейными зернами, яичной скорлупой, грязной бумагой и чем-то еще, что выглядело как засохшие оливки. Но чтобы добраться до чистки ковра, мне нужно было сначала поднять всю одежду с пола, а ее нужно будет постирать, ведь так? Но если я брошу их в машину, они сме-

щаются с чистой одеждой на заднем сиденье. Поэтому, чтобы обойти этот вопрос, я решил оставить вещи там, где они были, и стирать их по очереди в ванной по мере необходимости.

А что насчет ванны? Я не чистил ее с тех пор, как прошлой зимой сломался бойлер. Возможно, если я постираю в ней вещи, она станет чище, но раковина и туалет все равно останутся грязными. В каком порядке чистить их? Пока я не решу эту задачу, им придется оставаться грязными. Хорошо, что печка с духовкой были настолько грязными, что помыть их просто не представлялось возможным, так что мне не пришлось решать, с чего начинать. И холодильник тоже не нужно было мыть, так как он сломался три года назад, и что бы там ни пряталась внутри, скрытое от моих глаз, ему ничто не угрожало, до тех пор, пока дверца оставалась закрытой.

Вопрос о том, чтобы нанять кого-то, чтобы привести мое жилище в порядок, я даже не рассматривал. И не только потому, что не мог себе этого позволить. Просто, если бы кто-то еще увидел всю убогость моего существования, игла изматывающей меня тревожности вонзилась бы в мои нервы еще на метр глубже.

Пять лет мое жилище и мой мозг постепенно изнашивались, приходя в упадок, пока не достигли нынешнего состояния. Сейчас мой образ мыслей и стиль жизни были как у бездомного.

Тем не менее, на протяжении всего этого периода моих

проблем с собственным мышлением я смутно осознавал, что человеческие взаимоотношения помогают человеку сохранять рассудок. Но всё зависит от людей, с которыми человек взаимодействует. За исключением Рональда, мои «друзья» были на короткой ноге со своими собственными гремлинами.

Например, у меня был друг Боб, с которым я познакомился на собрании анонимных алкоголиков. На протяжении лет мы порой просиживали ночи напролет, поглощая кофе чашку за чашкой и составляя планы, как заработать деньги. Летом 2007 мы планировали торговать фильтрами для воды, продавая их в трейлерные парки. Мы вычислили, что фильтры бы могли предохранить трейлерные бойлеры от коррозии, очищая воду от минералов, что избавило бы владельцев от необходимости менять их так часто. Мы поделили штат пополам и, согласно нашему плану, Боб должен был за неделю обзвонить 25 трейлерных парков севера Иллинойса, в то время как я вымотал себе нервы, обзвонив 25 трейлерных парков южной части штата. Мы договорились обсудить наш прогресс по телефону в следующую пятницу.

Когда я спросил Боба о его успехах, он ответил: «Я уже почти всё закончил».

Что означало, что он даже не начинал.

После того, как на следующей неделе я сделал еще 25 телефонных звонков, вводивших меня в состояние мандража, я снова позвонил Бобу.

– А, да, я почти закончил, – сообщил он.

Это означало, что он только что начал.

Через неделю я снова ему позвонил и оставил ему сообщение, на которое он так никогда и не ответил. Еще несколько звонков и электронных писем тоже остались без ответа. Прошло несколько месяцев, в течении которых Боб так ни разу и не объявился, пока, полгода спустя, он вдруг не вынырнул из эфира, как электронный чертик из табакерки.

– Привет, я нашел отличный способ заработать деньги. Мы можем продавать складные защитные экраны для ноутбуков, чтобы люди могли работать на солнце, и видеть, что там у них происходит на экране...

Он снова ни слова ни сказал о нашем проекте продаж фильтров для воды, потому что Боб избегал ответственности, прячась в доме, окруженном электронным рвом, наполненным не отвеченными электронными письмами и проигнорированными сообщениями электронной почты. Боб был похож на ребенка, что играет в кубики со своим другом, пока не заметит другого приятеля, играющего в шарики. Тогда он бросает кубики и бежит играть в шарики, пока не заметит, что кто-то карабкается на дерево. И вот уже шарики забыты ради дерева, а Боб бежит к третьему малышу, чтобы составить ему компанию. Боб так никогда и не вырос.

Еще была моя бывшая жена Тамми, которая снова вернулась к своей девичьей фамилии, изменив ее с Тамми Федерсон на Тамми Аллен. Когда-то давно она была настоящей

красоткой. Она также была умна и родом из состоятельной семьи. Я был влюблен в нее по уши, когда учился в университете SIU в начале 70-х, потому что она так возбуждающе на меня действовала.

Но Тамми училась в университете Иллинойса, что располагался в 150 километрах севернее, так что это были отношения на очень длинном расстоянии. Когда я вылетел из университета и попал в армию, мы делали всё, чтобы поддерживать отношения, обмениваясь письмами и телефонными звонками на протяжении тех двух лет. Мы делали всё, кроме того, чтобы по-настоящему узнать друг друга. После моего возвращения домой мы тут же сыграли свадьбу, и наконец-то... наконец-то мы могли быть вместе, и это был настоящий рай... на протяжении почти двух месяцев.

Набивая шишки, мы все-таки определили, что действительно были созданы друг для друга. На самом деле мы с Тамми были такими одинаковыми, как две горошины из одной банки, – два нервных человека, живущих вместе, что делало наш союз почти таким же счастливым, как брак между отбойным молотком и циркулярной пилой.

Мы развелись, не заведя детей. Я не сохранил ни одной фотографии со времен нашего брака и не испытывал никакого желания разговаривать с ней снова. Я всё еще не хотел с ней разговаривать. До этих пор...

Я вышел к машине, выудил из-под одежды мобильный и набрал номер Тамми. Даже, если это разговор с отбойным

молотком, всё же это лучше, чем тишина.

Я присел на стул в кухне, но прежде, чем я ощутил под собой сиденье, прошло немало времени. Я почувствовал легкое головокружение, что-то вроде того, что я испытывал в детстве после катания на американских горках в «Ривервью», – большом парке аттракционов на берегу реки Чикаго. Заговорив с Тамми, я почувствовал, как мой мандраж побежал вверх по позвоночнику.

– Я потерял работу вчера, и у меня такое ощущение, будто я двигаюсь, а на самом деле стою на месте...

– Ой, это плохо. Из-за просрочки платежа мне могут отказать в праве выкупа дома по закладной, – сказала Тамми.

– Что, опять?

– Упс, не вешай трубку, у меня другая лин...

Через две минуты голос Тамми снова зазвучал в трубке.

– Это были они, и на этот раз они правда собираются это сделать, – сообщила Тамми. – Они сказали, что, если я не заплачу им хотя бы 600 долларов из 7 000, которые я им задолжала за последние полгода, они начнут процедуру лишения собственности по суду.

Тамми продолжала перескакивать с одной темы на другую с мобильником в одной руке и компьютерной мышкой в другой, чтобы все ее друзья получали мгновенный отчет с места событий. Из потока сознания Тамми в ее электронных письмах без абзацев, без заглавных букв, без проверки орфографии, единственными знаками препинания в которых были

только точки, я сумел узнать, что она зарабатывала примерно 25 000 в год, работая охранником. Заставила своего второго бывшего мужа и сына подписать совместный договор займа на покупку дома стоимостью в 150 000 долларов, что упал в цене на 50 000, потому что она была не в состоянии ее оплачивать. А сейчас она не могла выплатить очередной взнос по этому займу. Она также задолжала 80 000 долларов по кредитной карте, ездила на машине своего брата и транжирила деньги в кафе быстрого питания, обедаясь шоколадом и покупая абонементы на дорогие программы по потере веса.

– Тамми, я столько раз тебе говорил... – я начал чувствовать себя взвинченным.

– Подожди, Пит, у меня еще один звон...

Через пять минут.

– Я снова с тобой, Чет, – прочирикала Тамми.

– Это Пит, черт подери!

– Не смей так со мной разговаривать...

– Послушай, Тамми, ты не можешь в принципе платить за этот дом с твоей зарплатой. Тебе нужно избавиться от...

– Я никогда его не продам! Никакие съемные апартаменты не позволят держать двенадцать кошек, сейчас он стоит меньше, чем тогда, когда я покупала его, и я не хочу делать банкротом своего сына и испортить свой хороший кредит, и, черт, у меня другая линия. Я тебе напишу...

И Тамми потерялась в шторме текстовых сообщений и

звонков в режиме ожидания. Она не слишком отличалась от Боба, просто Боб прятался в киберпространстве, а Тамми бомбила людей бесконечными разговорами, чтобы у нее не было времени выслушивать кого бы то ни было. К концу электронного монолога Тамми мои зубы были плотно сжаты и гудели. Я сделал глубокий вдох, выдохнул и внезапно ощутил, что дом Федерсона – это ужасно тихое и скучное место.

Я сидел с кружкой кофе, которую пристроил на колене, среди кипы писем, книг и тошнотворного зловония, исходящего от пола, в пугающе тихой кухне. Чтобы поскорее заполнить одинокую, невыносимую тишину, я включил радио, настроившись на радиостанцию WFMT.

Я сделал последний глоток кофе, когда начался первый концерт Листа для фортепиано в исполнении пианистки Марты Аргерих. Когда Марта ударила по клавишам, исполняя первые аккорды, они срезонировали в моем солнечном сплетении, высвободив гремлинов и побудив меня к действию. Вскоре я уже пребывал в состоянии наполненности позитивной энергией, что блокировала мандраж и была устойчива к любым гремлинам.

Мне нужно было двигаться, совершить какое-то *действие*, сделать что-то осязаемое. Мне был нужен *проект*, а для этого требовалось принять *решение*. Я заметил щетку для пола, что стояла у стены так долго, что оставила на ней след.

Решение принято!

Я затолкал щетку под кровать и вытащил оттуда остат-

ки сгнившей еды, дохлых насекомых, комки сбившейся пыли, грязные ручки, салфетки, скомканные страницы из тетради... и пузырек с таблетками.

Вот куда они запропастились.

Однажды я смешал все свои таблетки – стимуляторы, успокаивающие, антидепрессанты, таблетки от летаргии и от тревожности – в одном пузырьке. Логическим обоснованием для этого стала мысль, что один пузырек будет труднее потерять, чем пять. Я прав? Затем я потерял этот пузырек, забыв о нем после того, как швырнул им в стену год назад.

Еще одно движение щетки вынесло наружу книгу «Восхитительная алгебра». Это была библиотечная книга, которую нужно было вернуть два года назад. Пару лет назад мне пришлось в голову вернуться в колледж, чтобы получить свой диплом бакалавра, но сначала мне нужно было подтянуть свой жалкий средний балл успеваемости. В самом верху списка успеваемости стояла алгебра. Я завалил ее дважды в средней школе и университете, и провел так много времени, постоянно об этом думая, что это отразилось на других предметах. Именно поэтому я вылетел из университета на втором курсе и, как и следовало ожидать в те времена, променял свою комнату в кампусе университета на казармы во Вьетнаме. Через два года мы с армией распрощались друг с другом. Небеспристрастно, так как мой капитан убедил себя, что я полностью лишен качеств, необходимых человеку, чтобы стать солдатом.

Так что гремлины сделали всё, чтобы мое изучение алгебры стало неразрывно связанным с моей поездкой во Вьетнам. Я швырнул «Восхитительную алгебру», которую так ни разу и не открыл, на пол.

После следующего захода маниакальная щетка вытащила из-под кровати пластиковый пакет «Крогер» со стилизованным рисунком американского флага и цифрами: 1776-1976. В этом патриотическом пакете оказалась полупустая бутылка водки с ценником на крышке: 1,50\$. Также там были карманные часы с изображением рыбака, выгравированного на крышке, которые я купил в Европе, когда ездил туда студентом в 1970-м году. Рядом с часами лежало старое, пожелтевшее фото на паспорт, напечатанное на допотопном компьютере сорок с хвостиком лет назад. А к нему прикреплена яркая фотография в реалистичной цветовой гамме, сделанная на пленке «Кодахром». С нее на меня смотрело загорелое лицо девушки с высокими скулами, карими глазами и темными кудрявыми волосами, расчесанными на прямой пробор.

Кэтрин!

Навес над прилавком, за которым она сидела, был насыщенно красного цвета, а темная деревянная панель за ее спиной, казалось сверкала новизной: Кэтрин сидела напротив меня, за прилавком в «Пальяй пицца» в Карбондейле, когда я учился на втором курсе. И на какой-то момент я снова ощутил себя там, сидящим напротив девушки, на которой

должен был жениться, но почему этого не сделал.

В 1971-м я с трудом пробирался сквозь дебри моей эмоциональной жизни, как сомнамбула. Я справлялся со своей неискоренимой тревожностью, игнорируя практически все взаимодействия с людьми, за исключением самых необременительных. Кэтрин Манчини происходила из итальянской семьи и жила со своей семьей в нескольких километрах от университета SIU. Она была симпатичной в провинциальном понимании этого слова, с милой манерой разговора, в котором смешались диалекты юга и среднего запада.

Мне нравилось, как она произносила слово «преекрати». Она часто говорила мне «преекрати». Но Кэтрин сильно отличалась от других девушек, с которыми я встречался в университете. В ее характере прекрасно сочетались эмпатия и уверенность в себе, которые могли бы пробудить меня и вытащить из эмоциональной спячки, если бы я только позволил ей это сделать.

Я уже почти ничего не помнил о годах, проведенных в университете, так же, как и о скучных десятилетиях после него. Обильные дозы водки и таблеток затмили или же покрыли кляксами большую часть воспоминаний. Но я действительно помнил, что Кэтрин пыталась вывести меня из тумана, а я слишком часто игнорировал ее попытки. И когда мы наконец расстались, я даже не расстроился. Я уже был по уши влюблен в Тамми, поэтому предал забвению все воспоминания о Кэтрин, которая подходила мне гораздо больше,

спрятав их в пакет «Крогер» и запихнув под кровать.

А сейчас, со шваброй в руке, я сидел на коленях возле кровати и рассматривал фото хорошенькой юной девушки, которую не видел почти сорок лет.

В этом пакете хранилась вся история моей жизни, сжатая до нескольких фраз:

Возможности, что открывались для меня. Возможности, напугавшие меня. Возможности, от которых я отказался.

Я подумал о моей работе в «Тестинг Анлимитед», всех этих к-р-о-т и -к-о-т, о Бобе с его фильтрами для воды, Тамми с ее домом, и о самом себе, который так и не освоил ни алгебру, ни радиовещание, ни что-либо еще.

Я смотрел на фото этой стройной девушки с чистым взглядом на студенческом билете и думал о том, как я выгляжу сейчас. Я потрогал лицо и ощутил, как пульсируют нервы под чрезвычайно тонкой кожей. Мускулы обвивались вокруг нервов пока не сжались в тонкие, натянутые от напряжения шнуры по обе стороны челюсти, как струны на скрипке. Эти струны были так сильно натянуты, что моя шея согнулась под тяжестью этого напряжения. Эта нервная энергия высосала все соки из моих щек, превратив их в пустые провалы, прочертила глубокие, как разрезы, морщины от крыльев носа, и нарисовала темные круги под глазами, от чего морщины вокруг них стали выглядеть как зубчатые шрамы.

Боже, жаль, что я не могу начать всё с начала!

Рука, которой я ощупывал лицо, безвольно повисла, упав

на пузырек с таблетками.

Я взял две таблетки и запил их большим глотком водки, завел часы и уставился на лицо Кэтрин. Вскоре моя голова наполнилась голосами, несущими какую-то тарабарщину, и звуками льющейся воды и падающих из протекающих крапов капель. Я ощутил внезапное ускорение...

...И обнаружил, что сижу в поезде, прислонившись головой к оконному стеклу. Солнечный свет, отражаясь от стекол небоскребов, проникал в окно поезда и преломлялся в глубине моих глаз.

Что за черт?

Я находился в каком-то поезде, проезжая массивную черную колонну «Уиллис-Тауэр», ранее известную как «Сиг-эрс-Тауэр», что расположена в самом центре Чикаго. Поезд прогремел через стрелки, перейдя на другой путь и проехал над загруженными автомагистралями с извилистыми съездами, разбегающимися во всех направлениях. Вскоре я уже мог видеть мерцание воды в озере Мичиган.

– Озеро выглядит как-то дешёво, – произнес какой-то парень позади меня.

Ему ответила девушка.

– Думаю это из-за шторма, что бушевал тут вче-ера ночью.

Парочка разговаривала с характерным акцентом, свойственным этому «Широкоплечему городу».

– Ты по-омнишь прошлый Новый год, когда мы чуть не замерзли, переходя мост на Мичиган-Авеню, когда шли к

Башне Джона Хэнкока?

– О боже, помню, – ответила девушка.

– Наверняка, мороз стоял минус десять. Даже барашки на волнах превратились в лед. А ветер был резким, как острый нож!

– Что ж, я не буду поэтому скучать. Там, куда мы едем, будет как во Флориде.

Они, наверное, с запада.

И словно в опровержение я услышал прямо перед собой:

– Можешь дать мне свою ручку? Я не могу на-йти свою.

Послышался ответ парня.

– Вот, возьми... Думаю, если мы попадем в Карбондейль вовремя, то окажемся в Ка-аире около 11.00.

Ка-аире? Эти люди из Южного Иллинойса!

Небо над озером было ясным, кристально чистым и казалось холоднее, чем должно быть ранней осенью. Какой сейчас месяц? Сентябрь? Октябрь? Я всегда путался в датах. Яркий бордовый лист неспешно пролетел мимо медленно движущегося поезда. Вскоре появились аккуратно причесанные зеленые газоны, затем типовая застройка и, наконец, черная глинистая земля северного Иллинойса, борозды которой убегали вдаль, словно небольшие черные волны, которые, казалось, никогда-никогда не заканчивались. Волна за волной, и снова волна...

Я вздрогнул, услышав: «МАХХХХХХТОООООН... Матон – следующая остановка».

Поезд прибыл в Южный Иллинойс.

Я посмотрел на запястье, чтобы узнать время, но часов не было, так же, как и мобильного телефона. Засунув руку в карман, я вытащил карманные часы с изображением рыбка на крышке и щелкнув замочком, открыл циферблат. 6:56. Каким-то образом я потерял три часа времени и пропустил большую часть штата Иллинойс. Пузырек с таблетками был в кармане, и так как туман в голове быстро рассеивался, я проглотил две таблетки, что показались мне стимулирующими, и вскоре уже наслаждался мерным стуком колес поезда, перекачивающихся через зазоры в рельсах.

Дах-дах-дах-дааааааааах!

Это звучало как начало девятой симфонии Бетховена.

Дах-дах-дах-дааааааааах!

Какие же они тупицы, те, что насмеваются над классической музыкой, устанавливая ее вместо рингтонов на телефоны.

– Да? – произнес молодой бесплотный голос впереди меня.

Пауза.

– О да, мы в «Салюки», приблизительно в часе езды от Карбондейля.

Пауза.

– Что опять?! Хорошо, ты... связь пропадает. Я позвоню тебе завтра, и увидим, сможем ли мы решить этот вопрос. Да, пока.

Вопрос?

– Кто это был? – спросил другой бесплотный голос.

– Кайла. Я помогаю ей с курсовой. У нее проблемы с конвертированием формата «Mac» в «Word».

А у меня проблемы с тем, чтобы называть проблемы «вопросами».

Вопросы, время, проведенное с пользой, написание сообщений, деловая игра, конвертирование мелодий, пиканье... Все эти выражение: целеустремленный, основные области специализации, грёбанное нестандартное мышление и сотрудничество... Всё это царапало мне слух, как острый нож, проведенный по стеклу. Эти тупые преуменьшения: «Я немного взбешен». Такие идиотские выражения как: «Дорогуша!», и лишь упоминание слова «фраппучино» вызывало у меня приступ тошноты. Но самым отвратительным в этом списке было одновременное выполнение разных дел под названием «многозадачность».

И, конечно же, всё это должно было выполняться быстро, быстро и как можно быстрее! Кажется, что технологии ускорили процесс эволюции мира таким образом, что каждая минута сжалась до 55 секунд, каждый час теперь состоял лишь из 55 минут, и в каждых сутках было лишь 23 часа. Но люди тем не менее пытались втиснуть 25 часов в одни сутки. Человеческий организм не создан для таких условий на чисто биологическом уровне, поэтому или люди выполняют работу кое-как, или съезжают с катушек как я.

Я взглянул в окно, увидел последний отблеск бордовых сумерек и вынул из пузырька розовую таблетку, чтобы растянуть свое состояние подольше.

Дах-дах-дах-даааааааах! – снова зазвонил этот рингтон.

– Да, ответил бестелесный голос.

Пауза.

– Что он сделал? О, ха-ха-ха-хаааааа. Чувак, он уронил на это *молоток*? Ну и тупица, ха-хаааааа. Могу поспорить, он будет еще долго хромать. Ха-ха! Пока!

И ты тоже будешь хромать, если не перестанешь хохотать своим хриплым смехом.

Пауза.

Дах-дах-дах-дааааааааах!

Меня сейчас разорвет!

Я перегнулся через спинку сиденья впереди меня и увидел двух подростков, одетых в голубые джинсы и футболки. Они смотрели на меня выпученными глазами, словно перед ними извивалась шипящая от злобы кобра.

– Значит так, если я еще раз услышу этот долбаный рингтон, я выброшу этот телефон и того идиота, который за него держится, из этого грёбанного поезда, – прошипел я.

Оба подростка на миг застыли, потом быстро собрали свои ноутбуки, айподы, мобильные телефоны и другие игрушки и быстро покинули вагон, украдкой бросая на меня взгляды, в которых сквозил ужас.

Детям нельзя позволять путешествовать в одном вагоне

со взрослыми.

Когда я уже снова начал погружаться в дрему, я вдруг почувствовал рядом с собой присутствие непрощенного гостя. Сквозь прищуренный взгляд я увидел шесть золотых полосок на зеленом рукаве.

– Здорово, приятель, кажется, у тебя какие-то проблемы?

Голову солдата прикрывал черный берет, а вся грудь была в орденских ленточках. У него был такой же акцент, как у тех людей, что разговаривали о Каире раньше.

– У меня всё в порядке, – ответил я.

– Я так не думаю. Ты выглядишь так, словно тебя сожрали полностью изнутри и вывернули наизнанку. Можно задать тебе вопрос? Ты доволен своей жизнью?

– Нет.

– Люди? Тебе нравятся люди?

– Нет.

– Тебе хоть что-нибудь нравится?

– Нет.

Всё, чего мне хотелось, – это спать.

– Послушай, приятель, я был в таком же состоянии как ты сейчас, примерно полгода назад в Ираке. Мне говорили, что у меня, как они называют, отрешенный взгляд. И как раз перед тем, как я начал планировать самоубийство, кто-то дал мне это.

Солдат полез рукой во внутренний карман, вытащил оттуда механический карандаш, положил его на подоконник на

несколько мгновений, а затем протянул мне. Я передвинул очки на лоб и посмотрел на карандаш своими близоруким глазами. Внутри него в миниатюрном бордовом закате кружились миниатюрные закатные облака, словно этот простой инструмент для письма впитал в себя кусочек неба, пока находился на подоконнике.

– Иногда очень помогает делать записи, – сухо сказал солдат.

– У меня полно карандашей.

Я не хотел прикасаться к этому долбанному карандашу. Перестав обращать внимание на солдата, я отвернулся к окну и снова заснул.

Проснулся я от звука колес, когда поезд проезжал через стрелку. Именно тогда я увидел через окно указатель, или же подумал, что там стоял указатель... Или я увидел в своем воображении, что в открытом поле, прямо среди жнивы стоял указатель. Что бы это ни было, оно отпечталось на моей сетчатке, как след от яркой вспышки.

Указатель был неописуемо ужасен, – чудовищная конструкция на массивных колоннах, вытесанных из глыб угольной руды и выкрашенных в неровные полосы бордовой и серебряной краски. Кусочки пирита, мерцающие в темноте неестественным светом, формировали надпись: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЮЖНЫЙ ИЛЛИНОЙС!» А под ней, едва различимая за окном поезда, виднелась надпись, сделанная фломастером: «ЭТО БУДЕТ ЧЕРТОВСКАЯ ПОЕЗДКА».

Глава III

Я проснулся в темном пустом вагоне с фотографией юной Кэтрин на коленях, которую я аккуратно переложил во внутренний карман. Сквозь окно, по которому стучали капли дождя, я увидел подсвеченные бордовыми отблесками облака, что спускались на крыши кирпичных и деревянных домов, блестящих в струях мелкого дождя и оранжевом свете уличных фонарей. Дома казались мне смутно знакомыми, но в моей несовершенной памяти, запечатлевшей их несколько десятилетий назад, эти воспоминания значительно исказились.

Я проходил мимо этих зданий множество раз во время тех двух лет, что учился в университете SIU в начале 70-х. Но деревья были совершенно другими. У многих были полностью обломаны ветви, и по всей улице валялись обломки деревьев. Я читал об этом. В мае здесь пронесся внутриматериковый ураган и оставил после себя столь масштабные разрушения, что работы по расчистке последствий продолжались до сих пор, несколько месяцев спустя.

Встав, я почувствовал, как кровь отлила от лица, оставив густой осадок, который казался настолько тяжелым, что я опустил голову и смотрел только себе под ноги. Этот осадок тяжелой массой перемещался по телу, когда неверной походкой я шел к выходу, и поскользнувшись на мокрых ступеньках поезда, приземлился на какую-то кучу на земле.

Добро пожаловать в Карбондейль!

При помощи фонарного столба я с трудом встал на ноги и стоял, покачиваясь, как надувная неваляшка, а затем поковылял к тротуару и спотыкающейся походкой пошел по Иллинойс-Авеню – главной достопримечательности, пока не пришел к кафетерию. Боль в плече напомнила мне о прошлогоднем скандале в «Демоник Граундс», и мне не хотелось снова иметь дело со своими гремлинами. Так что я предпочел остаться снаружи и вести себя прилично, хотя и крутился около входа в кафе из любопытства, охваченный желанием увидеть, как выглядят современные студенты университета SIU.

На первый взгляд они не слишком отличались от моего поколения начала 70-х. За исключением, например, рюкзака, с которым вошел в кафе молодой парнишка. Его модный камуфляжный рюкзак был оснащен отделениями для ноутбука, мобильного телефона, айпода и одной из эти благословенных современных бутылок для воды, которых не было у нас в 70-х. Во времена Вьетнама студенты носили эти ненужные им рюкзаки с небрежно нашитыми на них пацифистскими символами.

Дверь кафе резко открылась и оттуда вышла студентка (*их еще так называют?*), неловко балансирующая с тремя чашками кофе в руках, чтобы не перелить его на свои джинсы «Версаче». Во времена моей учебы в SIU я ходил в сношенных армейских ботинках, а наши «дизайнерские» джинсы были жесткими, как картон, брюками клёш, размягчить ко-

торые можно было только после нескольких месяцев стирки. Модники красили свои джинсы в ванной, затем носили их, практически не снимая, пока те не расплзались на нитки, – и никого не волновало, что, черт возьми, на них переливалось.

У невысокой девушки, что сидела в кафе с огромной чашкой кофе, волосы были очень коротко острижены и выкрашены в цвета университета – бордовый с белыми полосками. Парень напротив нее носил похожую прическу, только в коричневых тонах. В 70-х наши волосы не знали рук стилистов. Мы либо сами стригли их, либо шли к старомодному парикмахеру с надеждой, что тот не сострижет слишком много. Наши волосы торчали на голове, как листья салата из тарелки, или разлетались пружинками во всех направлениях, как обтрепанные стальные мочалки. И никому в голову не приходило красить волосы в бордовый, розовый или какой-либо другой цвет, потому что мы хотели выглядеть естественно.

К тому же студенты SIU начала 70-х не испытывали сильной приверженности традициям университета. За исключением тех редких моментов, когда кто-нибудь надевал свитер с эмблемой SIU, мы не носили бордовые и белые цвета.

Я заметил молодого человека, что сидел на пестрой подушке и играл на гитаре. Он выглядел так, словно его телепортировали сюда прямо из 1971 года. Мальчишка пытался отрастить редкую неряшливую бороду и был одет в порванную футболку, грязные джинсы и поношенные армей-

ские ботинки. Но весь его наряд был подобран слишком идеально, как будто он нашел в интернете старое фото настоящего хиппи и создал себе соответствующий образ. Подозреваю, что за этим фасадом скрывался безупречно аккуратный студент университета, приблизительно 2009 года.

Но я действительно заметил отблеск истинного бунтарства в этой толпе в кафе. Стекла очков этих студентов были больше, чем у большинства людей в 2009-м году, возможно, потому, что маленькие стекла очков носили все остальные, поэтому для студентов университета они не подходили. Но, за исключением этого умеренного офтальмологического сопротивления, мятежные образы 70-х годов лишились всего бунтарского. Они были изучены и усовершенствованы, пока не стали стандартными для студентов 21 столетия.

Двое парней пытались одновременно выйти из кафе и застряли в дверях.

– Извини, – произнес один.

– Прости, – сказал другой.

Какая вежливость! В 70-х здесь, скорее всего, располагался бы бар, и эти два студента были бы пьяными и обкуренными, а их неожиданная встреча закончилась бы дракой.

Но как бы там ни было, здесь всё равно чувствовалось нечто особенное, характерное только для SIU, что передавалось от поколения к поколению. Несколько студентов почти украдкой просочились через двери кафе, которая закрылась за ними с резким хлопком, и сконфуженно сели за стол. Весь

их вид производил такое впечатление, словно они чувствовали себя пришибленными уже из-за самого факта, что они учатся в SIU, так как не ощущали, что они заслуживают того, чтобы находиться в таком прекрасном месте. Я вспомнил «Мистера-хлопающего-дверью в SIU» – Гарри, моего соседа по комнате, который тоже хлопал дверью каждый раз, когда входил в комнату. Но его хлопанье было высокомерным, как будто он заявлял: «Я здесь, и в этом нет ничего особенного, если, конечно, тебе не захочется превратить это во что-то особенное».

Я стоял за окном кафе, уставившись на этот террариум студенческой культуры, а студенты смотрели на меня, словно загипнотизированные ядовитой змеей. И я мог понять почему. В своем отражении в стекле окна я увидел свои глаза. В них сквозила демоническая отрешенность, а красные зрачки почти не отличались цветом от налитых кровью белков. Это было лицо человека, которого никак нельзя было назвать нормальным. Я посмотрел вниз, увидел следы невероятно огромной собаки, нарисованные на дороге, и пошел, следуя им, в южном направлении.

Прямо впереди меня находилась пиццерия «Пицца Кинг». В те времена, что я жил в Карбондейле, здесь никогда не продавали пиццу. Но в этом здании я некогда выпил много пива, и этим вечером пиво всё так же лилось рекой. Хотя ночной клуб «Голден Гонтлит», что находился на другой стороне улицы, теперь превратился в магазин товаров для

домашних питомцев.

Грустно.

Я ощущал, что здесь многое изменилось, очень многое, но мне не удавалось распознать что именно, поэтому стоял, уставившись взглядом в дальний конец улицы, пока не понял, что.

«Стрип» исчез!

«Пёрпл мауз-трап», «Дас Фасс», «Джимс Бонопарт Ретрит», «Голден Гонтлит» и «Де клаб» – всех этих заведений больше не было. Все бары вдоль южных кварталов Саус-Иллинойс Авеню превратились в симпатичные, практически высокочеловеческие магазины велосипедов, булочные, рестораны быстрого питания и другие заведения, подобные тому, перед которым я стоял сейчас. В витрине магазина стояли несколько игрушечных серых салюки, сделанных в натуральную величину, с мягкими длинными ушами. Игрушечные салюки сидели вокруг бело-бордового мегафона и с восхищением смотрели на женский манекен, абсолютно голый, и даже без парика.

Игрушечные салюки и бело-бордовые цвета в витринах означали, что теперь торговцы ощущали приверженность традициям университета, в отличие от времен моей учебы. Тогда владельцы бизнеса почти никогда не украшали витрины чем-либо, что напоминало бы им об университете SIU. Консервативные жители этой улицы с неодобрением смотрели на студенческие беспорядки и импровизированные улич-

ные вечеринки в центре города. Такие же косые взгляды они бросали на студентов, когда те громили здание факультета сельского хозяйства в 1968-м году, и «Олд-Мейн» в 1969-м, и на закрытие университета во время весенних беспорядков в 1970-м.

Какие изменения произошли за сорок лет! Бизнес-структура Карбондейля выросла из кучки беспорядочно разбросанных низкосортных заведений в респектабельный университетский город: чистый, опрятный... и скучный.

Однако, была одна вещь, которая отличала Карбондейль от других университетских городков, и это был его размер. На протяжении десятилетий в нем проживало приблизительно 25 тысяч человек, из-за чего он считался маленьким городом. С другой стороны, в SIU, занимавшем южную часть города, училось максимум 24 тысячи человек, благодаря чему он считался 24-м по величине университетом в стране в 1970-м. Очень небольшое количество университетов подобных SIU располагались в отдельных небольших городках в нескольких километрах от ближайшей федеральной автомагистрали, обитая в собственных мирках.

Я прислонился к фонарному столбу и стал внимательно рассматривать фото Кэтрин, пока мой «центральный процессор» сжимался, извиваясь и выкручиваясь в попытках высвободить еще один килобайт воспоминаний о прошлом. Но ничего не вышло. То, что я видел перед глазами сейчас, стерло все образы из прошлого. Я был тем же самым челове-

ком, и Карбондейль оставался тем же самым городом, но мы оба ушли вперед по временной шкале и уже не могли вернуться назад в 70-е.

Я прошел мимо пустого «Университетского театра». В окне его было вывешено объявление «ПРОДАЕТСЯ», а возле центрального входа валялись старые газеты. Потом я миновал старый молочный магазинчик «Дэри Куин» с темными окнами, и только большой рожок мороженого на крыше светился украшавшими его огоньками.

Я продолжал двигаться на юг, пока не дошел до старого здания, которое превратили в бар еще в 1971-м году. Краска под красное дерево на старой вывеске 1910 года «Американ Тап» отслаивалась, в цементной стене вокруг пивного сада зияли дыры от выпавших камней, и объявление «ПРОДАЕТСЯ» украшало оба фасадных окна. «Американ Тап» выглядел как старик, у которого выпали передние зубы.

Но, как ни странно, в пепельнице на столе возле окна дымилась трубка с изогнутым мундштуком. Казалось, откуда-то издали доносился запах табака. Я почувствовал себя так, словно тело мое было в 21-м веке, а обоняние – где-то в другом времени.

Следуя гигантским следам салюки, я дошел до входа в Университет Южного Иллинойса и оказался в кампусе, впервые за двадцать прошедших лет.

Небольшой дождь моросил из низких облаков, из-за чего занимающий один прямоугольный квартал кампус стал вы-

глядеть так, словно его построили в широкой пещере. «Уиллер-Холл», построенный из жуткого кроваво-красного кирпича, возвышался позади изящной железной ограды в готическом стиле. А перед старым женским спортивным залом «Девис джимназиум» стояла скульптурная композиция – маленький мальчик, что держит раскрытый зонтик над головой маленькой девочки.

Всё еще здесь!

Пол и Вирджиния безмятежно стояли на островке маленького фонтана уже больше столетия, но в этот вечер бронзовые лица этих двух детей выглядели холодными и бесчувственными.

Я пошел на запад. Обойдя мрачную статую, я прошел мимо бюста насупившегося Делайта Морриса, установленного там, где раньше пересекались корпуса «Олд-Мейн», и мимо похожего на мавзолей лектория «Шрайк» к отвратительному бетонному зданию «Фанер-Холл».

Но его там уже не было. Я подошел ближе и с треском стукнулся коленом в огромную катушку с проволокой. Потирая синяк, я огляделся по сторонам и увидел сваленные в кучи трубы и провода, рабочие вагончики и деревянные доски, лежащие в грязи и огороженные глубокими траншеями. Я понял, что здесь возводили новое здание, но куда же подевался «Фанер»? Его начали строить в 1970-м и закончили в 1975-м, после того как расширили, включив в него пространство для аудиторий, утраченных после пожара в «Олд-

Мейн». «Фанер» продержался дольше, чем «Титаник».

Может, они снесли его, но почему?

Внезапно я услышал крики, доносящиеся с востока, и дюжина ног понеслась мне навстречу с эстакады через трассу 51. Это было похоже на прямую трансляцию беспорядков с удаленной утренней радиостанции, звуки которой то приближались, то удалялись.

Мой родной уютный университет начал наводить на меня жуть. В груди начал пульсировать мандраж, и я быстро пошел искать убежища в лес Томпсон-Вудс, позади того места, где должен был находиться «Фанер».

В лесу витали запахи влажного мха, листьев, травы, слезоточивого газа, страха и пота. Пока я пробирался в потемках по гладким асфальтовым дорожкам, мне казалось, что ветви деревьев нарочно преграждают мне путь, а скользкие листья под ногами приглушают звуки моих шагов. Множество деревьев лежало на земле, другие торчали из земли расколотые или с оторванными ветвями. Лес выглядел ужасно.

Я вышел из леса и, очутившись в клубящемся тумане, направился к зданию факультета сельского хозяйства. Вдалеке слышались звуки сирены. По мере приближения, высота звука становилась ниже, но громкость увеличивалась до разрывающего барабанные перепонки воя, и, наконец, появилась несущаяся на всей скорости университетская полицейская машина. Казалось, она не впишется в поворот и врежется в дерево, но она исчезла вдали.

Она не помчалась дальше. Нет, она просто исчезла, став неразличимой, и я физически ощутил, как исчезаю вместе с ней, хотя и стою неподвижно на перекрестке.

О боже.

У меня были галлюцинации. И тем не менее разум мой сохранял ясность, как у бриллианта. Я вытащил из кармана пузырек с таблетками и бросил его на дорогу. Упав, он раскрылся, и разноцветные таблетки рассыпались в тумане. К этому моменту голова моя уже была сильно перегружена, уши, казалось, стали ватными, и мне хотелось лишь развернуться, пойти на вокзал и вернуться в Чикаго. Но я знал, с чем мне придется столкнуться по пути на вокзал: беспорядки, призрак здания «Фарнер-Холл», грустные Пол и Вирджиния и та трубка в пепельнице на столе у окна «Американ Тап».

Я перешел на другую сторону улицы и пошел в лес, окружающий кампусное озеро, по направлению к навесу для пикника, воспоминания о котором до сих пор хранились в моей памяти. Приближаясь к навесу, я увидел женщину в длинном платье, лежащую на одном из столов, но ее образ сразу же растворился в тени, как я прошел мимо. Позади навеса я заметил геометрическую крышу кампусного причала, побрел туда и остановился у флагштока перед навесом для лодок пока заводил свои карманные часы. Было 6:34.

Мне было всё равно, день это или ночь. Потому что в тот момент я достиг той точки на временной шкале, когда тело

перестало усваивать таблетки и алкоголь, оставив лишь жалкий осадок боли, смятения и глубокой депрессии. Я прилип к флагштоку и ощущал себя так, словно несусь к озеру.

Я вдохнул сырой воздух, и мелкие химические гремлины моей нервной системы загрязнили его такой глубокой меланхолией, что после выдоха лицо буквально утонуло в миазмах уныния. Казалось, голова была наполнена кипящим маслом, что выплескивалось из глаз с каждым биением сердца. Полыхающее масло изливалось в горло, несло вниз по пищеводу и выплескивалось в желудок едкой кислотой. Я давился, но кислота поднялась к горлу, и я начал кашлять, выплевывая слизь. Казалось, мой правый плечевой сустав крепился к плечу металлическим штырем, а ниже, бедра и ступни пульсировали в агонии. Но больше всего у меня болели глаза: мягкий серебристый свет заливал их едким маслом, пока всё, что находилось в пределах моей видимости, не окрасилось красным цветом. Я попытался сощуриться, чтобы уменьшить это сияние, но веки невольно затрепетали и могли закрыться в любой момент. Внезапно, туман немного рассеялся, приоткрыв корпуса общежития «Томпсон-Поинт».

Эти корпуса выглядели точно так же, как я себя чувствовал: размытые, обесцвеченные и безрадостные. Здания инженерного факультета позади меня превратились в настоящие призраки в тумане. Деревья в лесу казались нарисованными кляксами на клубах тумана. Их отражения цвета ору-

жейного металла, казалось, были выгравированы на поверхности воды. Множество деревьев, поломанных, с зазубренными обломками, лежало наполовину в воде возле причала и на другом берегу озера возле корпуса «Томпсон-Поинт».

Боже, ни в чём вообще нет ни капли цвета.

Начал моросить холодный мелкий дождь, и я почувствовал, как серость земли стала проникать в тело через подошвы туфель, двигаясь дальше вверх, к голове, пока мои чувства не приобрели темно-серую окраску. *Кипящее масло в плечевом суставе, кипящее масло в ступнях, руках и шее. Кипящее масло в кашле.*

Это был худший день в моей скучной 58-летней жизни.

Полицейская машина, которую я видел ранее, пронеслась назад в противоположном направлении от Линкольн-Драйва и со скрежетом остановилась. Большая угловатая патрульная машина выглядела так, словно была создана сорок лет назад, но оказалось, что она совершенно новая.

Я смог увидеть тень полицейского за рулем, который потянулся вниз и включил сирену. Пространство огласил такой пронзительный вой, словно эта проклятая штука включилась прямо в моей долбанной голове.

Сирена визжала примерно минуту – целых 60 секунд, на протяжении которых мне казалось, что в уши мне забивают острые гвозди. Отвернувшись от сирены, я увидел, что поломанные черно-белые деревья несутся мимо меня, и чувствовал себя так, словно лечу на реактивном истребителе в

диапазоне числа Маха 1 прямо через лес.

И это сработало.

Словно катастрофический финал, сломанные деревья, Тамми, «Тестинг анлимитед», Боб, мой трейлер, водка, таблетки и гремлины обрушились на меня как огромный рояль, толкнув меня вниз, на колени, с такой силой, что даже остались вмятины в земле.

Я оказался на коленях, рядом со стойкой с байдарками, закрыв уши руками, пока сирена, наконец, не замолкла. Рухнув на землю, я закатился под одну из байдарок и отключился.

Проснулся я от того, что в грудь мне вонзился механический карандаш. Наверное, солдат незаметно засунул его в карман моей рубашки, пока я спал. Я выкатился из-под перевернутой байдарки и почувствовал, как яркие лучи утреннего солнца, отражающиеся от глади озера, на миг ослепили меня своим светом.

Я медленно встал и удивился своему самочувствию, учитывая вчерашний кутеж. У меня не было ни головной боли, ни головокружения. Небольшие боли в ступнях и спине тоже исчезли, так же, как и хроническая боль в правом плечевом суставе. Зрение обострилось до такой степени, что я смог рассмотреть отдельные листочки на зеленых деревьях на фотографии.

Светло-голубая крыша лодочной станции приятно сочеталась с лазурным небом, отражавшимся в голубой ряби на

поверхности воды озера. Обоняние усилилось до такой степени, что я почувствовал легкое опьянение от приятных запахов: ароматы распустившихся цветов, влажной травы и легких волн, мягко накатывающих на прибрежный песок. Я услышал стрекот сверчков, звук которого показался мне более высоким и музыкальным чем раньше. Температура воздуха, наверное, была чуть выше 25 градусов тепла, – не слишком жарко и не холодно, и я чувствовал всё это с такой интенсивностью, о которой давно забыл.

Но что произошло с осенью?

Также мне показалось, что деревья, причал, трава и озеро были немного не на своем месте. Или они или я.

Направившись к столу для пикника перед причалом, я увидел, как яркий кузнечик выпрыгнул из травы, и почувствовал себя так, словно вешу 20 килограммов. За флагштоком виднелись корпуса «Томпсон-Поинта», их отделка цвета красного дерева красиво сияла в лучах яркого солнца. Но что-то было не так с этими зданиями. Они стояли там, как на ладони, но мне понадобилось около минуты, чтобы осознать, что деревья возле них снова стояли целые и невредимые. Никаких поломанных веток, ни одно дерево не валялось кроной в воде и не торчало обломком из земли. Хотя теперь они выглядели гораздо ниже, чем должны были быть, учитывая, что жилому комплексу «Томпсон-Поинт» уже пятьдесят лет.

Я быстро прошел между деревьев у причала и вскоре уже шагал по дорожке вокруг озера, минуя навес для пикников

с его геодезическим куполом, который сегодня оказался белым. Прошлой ночью цвет купола был коричневым.

Я почувствовал, как гремлины уже собираются в кучку в основании позвоночника в ожидании еще одного странного открытия, чтобы начать свою атаку. Поэтому начал урезонивать себя, что, возможно, вчера вечером я находился в таком состоянии под влиянием таблеток, что не мог отличить белый цвет от коричневого.

Ускорив шаг, я пошел по небольшому мосту из дерева и металла, переброшенному через речушку, что пробежала позади жилых корпусов. Я ощущал, как обострились мои чувства, пульсируя во всем теле, по мере того, как я подходил к дорожке, что соединяет общежитие и общий корпус «Ленц-Холл». На вид здание не казалось новостройкой, но и совсем не походило на здание, построенное пятьдесят лет назад.

Из него как раз выходила девушка, образ которой показался мне знакомым. Это сходство ощущалось так же, как узнавание статуи, которую видел в последний раз десятилетия назад. Распущенные медового цвета волосы спускались до талии, а абрикосового цвета платье с рисунком из больших цветов липло к ее юному телу, открывая худые ноги, подсвеченные солнечными лучами. Внезапно эта фигурка помахала мне рукой.

– Привет, Питер! – крикнула она.

Девушка, казалось, не шла, а скользила по дорожке, держа себя так, словно всем своим видом сообщая, что для нее

окружающий мир пребывал в настолько прекрасном состоянии, насколько это вообще возможно. И луна, и звезды и все планеты были на своем месте, о чем, без сомнения, рассказал ей этим утром ее гороскоп.

Когда она оказалась примерно в 15-ти метрах от меня, ее смутно знакомая фигурка стала леденяще реальной. Она выглядела как Марта, та женщина, что посылала мне письма этим летом.

Но это невозможно!

Глаза девушки скрывали солнцезащитные очки в розовой оправе, а голову прикрывала большая шляпа, поля которой падали ей на лицо, наполовину скрывая его. Несмотря на ощущение нереальности происходящего, я чувствовал себя так, словно был единственным человеком на планете. И когда она оказалась в полутора метрах от меня, я почувствовал себя так, словно меня втолкнули в пузырь бесконечного счастья. От ее одежды исходил сильный запах шафрана.

– Питер, как ты *поживаешь*? – спросила она так, словно я был самым важным человеком в мире, и встреча со мной была самым важным событием в ее жизни. Более того, ее «ты» несло в себе дополнительное значение. Она словно подразумевала, что независимо от моего ответа, со мной всё в полном порядке.

– Ты... Ты? Ты как будто Марта?

– Да, я Марта! – прочирикала она гордо.

– Что... Но ты выглядишь... Что тебя сюда привело?

Девушка посмотрела на меня искоса.

– Ты имеешь в виду прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас!

– Пришла проверить, есть ли письма.

– Что? Я имею в виду, что ты делаешь в *этом кампусе*?

Девушка посмотрела на меня так, словно я рехнулся.

– Иду на лекции, так же, как и ты... И уже опаздываю.

На какой-то момент она стала серьезной.

– Я не иду на лекции! Ну же, перестань, что ты здесь делаешь?

Я испытывал ужас. Она задрала голову, словно оценивая мое настроение.

– Ладно, ты меня подловил, – призналась Марта. – Я правда не иду на лекции. На самом деле я с планеты Нептун. Мы прибыли сюда для изучения землян. И, если позволишь, могу сказать, что вы, приятели, довольно странные создания... В особенности, ты... – она расхохоталась. – Питер, тебе нужно расслабиться, чувак!

Хихикая, Марта махнула мне рукой и пошла к зданию факультета сельского хозяйства.

– Увидимся за обедом, – бросила она через плечо.

Не может этого быть!

Даже учитывая то, что ее очки и шляпа закрывали большую часть лица, Марта выглядела так, словно не постарела ни на день с момента, когда я видел ее в последний раз сорок лет назад!

Пока я стоял, в шоке уставившись на удаляющуюся фигуру девушки, я обратил внимание на старомодные угловатые машины, что проезжали по Линкольн-Драйву. Резко повернув голову, я увидел, что такие же старомодные угловатые машины были припаркованы на стоянке возле корпуса «Ленц» и вдоль Поинт-Драйв.

Я бросился к проезду и проверил машины, припаркованные выше и ниже по Поинт-Драйв. Там я обнаружил старомодные машины в таком отличном состоянии, каких не видел уже много лет: Impala 1970 года, Fury 1966, Mustang 1965. И на каждом автомобиле были номера Иллинойса, датированные 1971 годом.

Внезапно Поинт-Драйв заполонили студенты. Многие были одеты в футболки, на других были рубашки, застегнутые на все пуговицы, а на некоторых – полностью расстегнутые. Были также армейские полевые куртки, джинсовые пиджаки, а иногда попадались спортивные куртки. Также эта детвора была одета в вельветовые брюки или расклешенные джинсы, которые держались на широких ремнях. И вся одежда была унисекс – не было ни одной юбки. Книжки студенты носили в руках, или в подержанных армейских рюкзаках. Волосы у них были длинные, с начесанными челками, или разделенные пробором посередине таким образом, что блестящие на солнце пряди каскадом спадали по обе стороны лица.

Несколько студентов показались мне смутно знакомыми.

Взгляд мой неистово перескакивал со студентов на машины, потом на кафетерии, оттуда на деревья и озеро в поисках чего-либо, что могло подтвердить, что я всё еще в 21-м столетии.

Я залез в карман, чтобы достать карманные часы, но они исчезли. А на их месте оказался брелок с прикрепленным к нему логотипом университета вместе с единственным ключом, на котором был наклеен номерок 108.

Я стоял перед трехэтажным кирпичным зданием во всей его красе середины 20-го века, на стене которого блестящими металлическими буквами было написано «БЕЙ-ЛИ-ХОЛЛ». Филенки из красного дерева на створках окон выглядели свежеекрашенными, а стеклоблоки в окнах лестничного пролета сверкали в ярких лучах солнца. Это здание было мне домом на протяжении всего второго курса в университете.

Я не смотрел по сторонам, потому что боялся, что могу увидеть всё, что угодно, – от розовых носорогов до Ричарда Никсона. Я прошел к входу и попробовал вставить ключ в замочную скважину... И дверь отворилась.

Чувствуя себя так, словно за мной вот-вот придет полиция университета, я украдкой нырнул в смутно знакомый вестибюль. В каком-то трансе я прошел к комнате 108, вставил ключ в замок, осторожно открыл дверь и окунулся в запахи несвежего табака и виски. Передняя часть комнаты была в безупречном порядке: кровать аккуратно застелена, книги

выстроены на стеллаже у письменного стола из светлой древесины. Рядом со столом, на поставленной вертикально деревянной колоде расположился кофейник и маленькая газовая плитка.

Проходя мимо зеркала над раковиной, я заметил в нем отражение худощавого студента. Я обернулся назад, чтобы повернуться лицом к студенту, но за моей спиной никого не было. Снова повернувшись к зеркалу, я опять увидел отражение юного паренька. словно вихрь, я развернулся назад: в комнате никого, кроме меня, больше не было. Я опять резко повернулся к зеркалу. Из него на меня смотрел паренек с взволнованным выражением на лице. Он выглядел так, как чувствовал себя я, за исключением того, что он весил на двадцать килограммов меньше и был на сорок лет моложе, к тому же у него были нелепые усы и...

Глаза его расширились словно блюдца. Я рванулся прочь от зеркала, словно увидел в нем призрака, и оказался перед окном, что выходило на Поинт-Драйв. Перед ним стоял *еще один* письменный стол из светлой древесины, заваленный ворохом книг и бумаг. У стены, напротив раковины, стояла не застеленная кровать со смутно знакомой темно-красной простыней, о которой я уже давным-давно забыл. Рядом с кроватью стояла прикроватная тумбочка с радиоприемником, корпус которого был отделан имитацией под древесину орехового дерева. Это был точно такой приемник, что у меня украли, когда я останавливался в молодежном хостеле в Сан-

Диего на пьяной вечеринке в 1981 году. Тогда, когда я был бездомным.

Мысли мои завертелись вокруг осознания того, что в памяти стали оживать давно забытые мельчайшие подробности. Хотя еще минуту назад я их едва помнил. Если всё это галлюцинация, тогда у меня большие проблемы. А если нет, мои проблемы еще больше.

Я осторожно сделал шаг к зеркалу и рискнул снова бросить в него быстрый взгляд, чтобы посмотреть на паренька. Затем я задержал на нем взгляд дольше, потом еще раз взглянул, пока не обнаружил, что стою, уставившись на него во все глаза. То, что я видел, было не просто изображением двадцатилетнего юноши.

Черт... И что же тут для меня уготовано? Снова колледж? Нет! Всё в будущем. Трейлер, женитьба, «Тестинг Анлимитед»... Нет! В будущем у меня ничего нет! Ни в прошлом, ни в будущем у меня ничего нет!

Я утратил равновесие, упал на стул у своего стола и уставился на страницы открытой книги просто, чтобы остановить ощущение вращения. Первая прочитанная мною строка гласила: «*Нервные люди должны* в своей ежедневной жизни безжалостно отделять мнения от фактов, потому что, независимо от того, плохие они или хорошие, полагаться можно только на факты».

Я посмотрел на страницу с содержанием. «Укрощение взбудораженного ума: Руководство для нервных людей», ав-

тор Роберт Фон Рейхман, доктор медицинских наук.

Усевшись поудобнее, я начал читать, ухватившись за эту книгу так, словно перед смертью. Моя концентрация достигла отчаянной интенсивности. Я был готов делать что угодно, лишь бы не смотреть по сторонам и не думать о том, что я на самом деле делаю в комнате общежития из моего прошлого, в моем молодом теле, управляемом 58-летним мною, мозг которого перегорел в 1971 году.

Глава IV

Я заснул у «своего» стола, упав головой на книгу Фон Рейхмана. Затем я проснулся, вздрогнув от какого-то громкого, грубого и резкого звука. Я не слышал звуков звонка старого дискового телефона уже многие годы. Но подпрыгнул с невероятной скоростью, перевернул стул и снял трубку с телефонного аппарата на стене как раз в тот момент, как затих грохот упавшего на пол стула.

Подняв трубку, я подумал: *«Где, черт возьми, я нахожусь?»* Но к тому моменту, как я поднес ее к уху, я снова сознал, что вернулся назад в комнату 108 корпуса «Бейли-Холл» жилого комплекса «Томпсон-Поинт» в университете Южного Иллинойса в Карбондейле.

– А-алло! – ответил я.

– Любимый!

Я почти не узнал ее голоса.

– Тамми? Это ты?..

– Конечно, это я. А ты ждешь звонка какой-то другой де-

вушки?

Ее идеальный голос звучал так юно, так глубоко, но без тех скрипучих обертонов, что испортили его годы спустя. Как будто никогда не было нашего жалкого четырехлетнего супружества, – которое пока еще не случилось. Я ощутил в теле прилив желания, который быстро сменился тревожностью по мере того, как сознание окончательно проснулось.

– Алло? Алло? Питер, ты всё еще там? Питер...

– Да, я всё еще здесь, но жалею, что не могу быть в другом месте...

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что мне здесь не место.

Глаза мои перескакивали с предмета на предмет в комнате, пока я мысленно представлял Тамми на другом конце провода, возможно, в Урбане, в ее комнате в общежитии. Перед мысленным взором возник ее образ – идеальная фигура, возможно, в одном нижнем белье, рыжие волосы раскинулись по подушке...

– Что с тобой, Питер? Что-то случилось? Расскажи мне.

– Я имею в виду...

Я не знал, что я имел в виду помимо того, что внезапно почувствовал головокружение и приступ тошноты.

– Что ты имеешь в виду, Пит? Ты уже делал так раньше. Просто прекращал общаться. Ты должен сказать мне, что происходит.

Я смотрел на стену, на тени возле небольших отверстий.

Зеленого цвета шлакоблок должен был уже выцвести до серого цвета от старости, но вместо этого он был таким же ярким и красочным, как слайд. Я тяжело опустился на красную простыню на своей кровати, чувствуя себя как в тумане и в каком-то дурмане. Вскоре я осознал, что из трубки, что осталась висеть у стены, всё еще доносится печальное щебетание.

– Питер, *Питер!* Ты еще там? Что происходит?

Я повесил трубку.

Встав, я поймал в зеркале отражение себя 20-летнего. Внимательно всматриваясь в свои глаза, я пытался обнаружить во взгляде хоть какие-либо признаки 58-летнего мужчины. Но я видел лишь лицо с фотографии на моем студенческом билете, которое я обнаружил в своем грязном бумажнике в кармане брюк. Там также лежали четыре доллара, читательский билет библиотеки «Парк Форест», бумажные водительские права, выданные в штате Иллинойс, и несколько клочков бумаги с нацарапанными на них заметками. Я пошел в ванную комнату и меня стошнило. Вернувшись, я открыл аптечку, нашел пузырек с аспирином и выпил две таблетки, усевшись на краю кровати. Я угрюмо уставился в окно, мимо которого по Линкольн-Драйв проезжали большие угловатые машины 70-х.

Прямо сейчас я встречаюсь с Тамми и знаю, что эти отношения закончатся несчастным браком. Мои родители живут в окрестностях Чикаго, и сейчас им столько же лет, сколько и

мне, точнее, сколько мне было. Мой младший брат, которому было чуть за пятьдесят, когда я видел его в последний раз, сейчас школьник. Окрестности «Парка Форест», в которых я провел детство, соседи, школа «Рич Ист Хай», которую я окончил, WRHS, школьная радиостанция, друзья детства... Всё это сейчас рядом, на расстоянии пятисот километров отсюда и сорока лет. Если бы я их увидел, какие бы у меня возникли мысли? А у них? Могло бы это изменить будущее? А сейчас? Меняю ли я будущее в данный момент? А что насчет Кэтрин? Какие у меня отношения с ней сейчас? Я не помню!

Я пытался яростно отбросить этот огромный, непреклонный временной блок, что заблокировал мои воспоминания 1971 года, но после 38 лет, что прошли с тех пор, там осталось немного.

Погруженный в эту путаницу, я услышал, что за спиной в замке входной двери проворачивается ключ. В отражении оконного стекла я увидел, как открылась входная дверь, и с осторожностью обернулся, испытывая страх перед тем, что должно было предстать передо мной через мгновение.

В комнату, шаркая по полу, вошел невысокий, мускулистый подросток с округлыми чертами на смуглом лице, одетый в скучную красно-коричневую футболку, джинсы, белые носки и черные теннисные туфли. Его каштановые волосы считались коротко остриженными в 70-х, и его можно было принять как за юного спортивного тренера, так и за бандита.

Едва заметно кивнув мне, он сел, достал изогнутую труб-

ку и плавным движением опустил ее в большую жестяную банку на столе. Затем он чиркнул деревянной спичкой о перевернутую колоду на полу и глубоко затянувшись, закурил трубку. Потом подняв бутылку, что стояла рядом с табаком, он налил живительной влаги в стопку, пока облако дыма от его трубки достигло потолка и расплылось там по всем углам комнаты.

Для меня этот юноша выглядел, как маленький ребенок, который наткнулся на трубку, играя в домашнем баре своего отца. Парнишка выглядел в точности таким же, каким я его помнил, за исключением того, что он казался слишком молодым для колледжа – как и все студенты, что я видел сегодня, включая меня.

Я сидел на стуле, уставившись на это видение, пока напряжение мое не усилилось настолько, что у меня больше не было сил его сдерживать.

– Гарри! *Чувак*, я так рад тебя видеть! Как ты поживаешь? – выпалил я.

Юноша повернулся ко мне и с зажатой в зубах трубкой проговорил:

– Привет, кусок дерьма.

Я уставился на него в шоке.

– Что, черт возьми, с тобой такое? – спросил он. – Ты выглядишь так, будто кто-то взорвал фотовспышку у тебя перед лицом.

– Я просто рад тебя видеть, это всё.

– И я тоже рад тебя видеть. А теперь закрой свой гребанный рот и не мешай мне заниматься. У меня завтра экзамен по математическому анализу.

Его ответ меня поразил. Я сидел, угрюмо наблюдая за пареньком, погруженным в свои занятия, словно он был частью туманного сновидения. Сна, который резко оборвался, как только я очутился в облаке пропитанного запахом виски дыма и начал кашлять.

– Боже, воняет так, будто ты бросил в огонь всю чертову банку этой дряни!

– Я думал, тебе нравится запах «Боркум Рифф».

– Ну, да, но я не привык к нему.

– Я курю каждый день.

– Эээ.. Именно это я и имею в виду. Я просто еще не восстановился после твоего вчерашнего курения.

– Федерсон, ты, как всегда, несешь какую-то околесицу.

С намеком на ухмылку он отвернулся и потянулся за одной из книг, что стояли в стройном ряду на его безупречно чистом письменном столе.

Я посмотрел на *свой* письменный стол и увидел несколько открытых книг, валяющихся одна на другой в одной стопке, разбросанные клочки бумаги с неразборчивыми надписями, ручки и карандаши среди карандашных стружек, скрепки, резинки, носок, фотографии и другой хлам, что выглядел так, словно его вытряхнули из грязного мешка. Очевидно, одна из книг была открыта на главе «Теория хаоса при-

роды», и сверху на всем этом, словно верхний слой почвы, лежал толстый слой пыли, а книжную полку, встроенную в нижнюю часть правой стороны стола, затянула паутина.

– Ух, когда я занимался за этим столом в последний раз?
– спросил я.

– Ты что, не помнишь?

– Ну, эээ... Да. я имею в виду...

– Этим утром, – подсказал юноша с зажатой в зубах трубкой. – Ты искал расписание лекций твоей группы.

– Я нашел его?

Паренек вынул трубку изо рта, продуманным движением прислонил ее к основанию настольной лампы, и только после этого повернулся к своему нервному соседу по комнате.

– И откуда же, черт возьми, я могу это знать? Ты не только потерял свое расписание в этом бардаке, ты даже не помнишь, что искал его. О чем еще можно говорить? Федерсон, я собираюсь сдать этот экзамен на отлично, так что заткнись!

– Ладно, еще один вопрос и всё.

– Что

– Ты замечал, чтобы я себя как-то странно вел в последнее время?

– Странно себя вел *в последнее время*, – пробормотал он.

На этом наш разговор закончился, и Гарри зарылся носом и своей трубкой в раскрытый учебник. Он работал, погружившись в математический анализ, и лишь клубы табачного дыма периодически окутывали его настольную лампу. На-

сколько я помнил, этот курящий трубку ребенок был постоянным фигурантом списка отличников у ректора университета. Он читал книги Фрейда и Библию в качестве хобби, а потом пересказывал мне их содержание в таких непристойных выражениях, насколько это вообще возможно.

Я не знал, что мне делать дальше, поэтому несколько минут просто сидел за письменным столом, уставившись в окно на прекрасный весенний день. Вскоре легкий порыв ветра ворвался в окно, шевельнул занавеси и принес с собой слабый запах яблочного пирога. Я тут же ощутил то чувство голода, что идет в комплектации с юным, всё еще растущим, организмом.

В 21-м веке зеркала не были моими друзьями, но сейчас я рискнул бросить еще один быстрый взгляд в зеркало над раковиной. Отражение показало мне стройного, почти костлявого юношу, который выглядел не так уж и плохо. На самом деле он выглядел чертовски хорошо, за исключением этих дурацких усов. Я решил их сбрить.

Я принял душ в ванной комнате, облицованной простой плиткой, без всех этих штук из 21 века – геля для душа, кондиционера для тела или ополаскивателя. В моем распоряжении был лишь кусок мыла и флакон шампуня Head and Shoulders. Насадка душа, изготовленная примерно в 1960 году, во времена, когда воду еще не экономили, заливала всё пространство душевой обильными струями воды. Я брился старомодной безопасной бритвой, которой можно было лег-

ко порезаться, так что мне пришлось быть очень осторожным.

– Ты собираешься ужинать, Гарри? – спросил я с сомнением.

Я опасался, что этот говорящий призрак из моего прошлого в любой момент может рассыпаться в прах.

– Нет, чувак, я уже ел.

Я тихо прикрыл за собой дверь и через 30 секунд уже вошел в кафетерий «Мама Ленц», как мы называли его в 70-х, показав свой студенческий билет, в котором было вклеено мое фото с глупыми усами, которые я так и не сбрил.

Очевидно, я уделял всё свое внимание тому, чтобы не порезаться, когда брился старомодной бритвой, что совершенно забыл сбрить усы. Я невольно потрогал их одной рукой, другой показывая свой студенческий с отметками о членских взносах, – доказательством того, что я зарегистрирован в этом семестре.

Документы проверяла девушка у турникета, одетая в белую униформу с бордового цвета логотипом университета на правой стороне груди, которая выглядела довольно уставшей.

В меню перед потной очередью в кафетерии было написано, что сегодня подавали сэндвич с беконом, латуком и томатами. Мне уже здесь не нравилось. У меня сохранились смутные воспоминания о еде в «Ленц», и, в основном, негативные. Более того, я оказался зажатым в очереди из лох-

матых, сердитых студентов в голубых джинсах, которым тоже не нравилось питаться в «Мама Ленц». Я посмотрел вниз на сервировочный стол и увидел непропеченные сэндвичи с кусками пережаренного бекона на тонких желто-зеленых ломтиках помидоров, которые, в свою очередь, лежали на листьях увядшего салата.

На соседнем подносе возвышалась горка дряблого жареного картофеля, а позади подноса стояла еще одна девушка с растрепанными волосами, светлые пряди которых выбивались из сетки на голове. Она наполнила мою тарелку жареным картофелем.

О боже.

Очередь стонала и жаловалась, пока не растворялась в обеденном зале. Я постоял там несколько мгновений, изучая зал и замечая смутно знакомых людей в броской одежде, которой я не видел уже много лет. Один паренек с густой бородой неуклюже споткнулся, пока наполнял из аппарата пять стаканов. Он был одет по последней студенческой моде: поношенная куртка армии США с приколотыми к воротнику крылышками ВВС, нашивки сержанта морской пехоты неровными стежками пришиты к боковому шву одной штанины, нашивка с маленьким зеленым кулаком пришита к одному рукаву, символ мира – в области пупка, и маленький американский флаг пришит на заднем кармане его вареных джинсов.

Я заметил кое-что еще, чего больше не увидишь в амери-

канском обществе: сигаретный дым, поднимавшийся от дешевых жестяных пепельниц на столах. Этот дым смешивался с ароматами еды из кухни, и даже отдушки моющих средств для посуды пахли дымом и, на удивление, не вызывали никаких неприятных эмоций.

Я прошел к круглому столу из светлого дерева и сел на стул со ставшей для меня привычной болезненной гримасой на лице. Но гримаса оказалась напрасной, потому что я не почувствовал никакой боли в спине. Уже собираясь робко откусить от своего сэндвича, я осознал, что из динамиков в потолке донесся обрывок какой-то музыки, после которой прозвучала барабанная дробь и низкий голос произнес:

«Радиостанция WIDB Карбондейль... снова... вместе!»

Потом я услышал студенческого диск-жокея.

«Рональд Рамджет в эфире на частоте шесть, мы снова вместе с WIDB. Сегодня солнечный день, выше 26 градусов. Вечером будет прохладно, до 10 градусов. Прямо сейчас ровно 25. А сейчас, прямо из прошлого, Манго Джерри с композицией 1970 года «Летом!»».

Рамджет идеально уложился во времени, закончив говорить перед первыми аккордами композиции. «Летом!» была моей самой любимой композицией на протяжении десятилетий, пока она не прочертила звуковые дорожки в моем мозгу, после чего я уже терпеть не мог ее слушать. Но в этот момент «Летом!» звучала... *совершенной новинкой*, словно я никогда прежде ее не слышал. Я тут же забыл о своем сэнд-

виче с беконом и латуком и ничего не слышал, и не осознавал, кроме звучащей из динамиков музыки.

Пока не заметил Марту, что пританцовывала под музыку возле салатного бара. Она плавно покачивалась, выбирая по одному грибочку из огромной миски, и бросая их на свою тарелку. Затем, позвякивая своими фенечками, она протанцевала к моему столу под песню Манго Джерри о том, как мы можем дотянуться до неба и потрогать его рукой, когда на дворе лето. С ленивой улыбкой на лице она села за стол напротив меня.

– Тащишься под музыку, Питер?

Снова ощутив запах шафрана, исходящий от ее одежды, я почувствовал, что рад снова отказаться в 1971... на какой-то миг.

– О боже, да! Это... великолепно!

Остальные посетители кафетерия, казалось, тоже наслаждались этой музыкой. словно какой-то хореограф постарался сделать так, чтобы студенты ели, пили и курили сигареты в такт музыке, а какой-то костюмер позаботился о том, чтобы все носили рубашки с огромными воротниками, пиджаки с невероятно широкими лацканами, самые пестрые цветовые сочетания, самые высокие каблуки унисекс и самые короткие платья.

Марта тем временем сбегала к другому столу, забрала оттуда несколько книг и сумку и принесла их за мой стол. Усевшись, она вытащила огромные круглые очки из футляра из го-

лубого вельвета, на котором было вышито желтыми стежками JOHNNIE WALKER, и наколола вилкой грибочек в своей тарелке. Когда перестала звучать музыка, я заметил, что Марта не ест свой грибочек, а изучает его, прищулив один глаз, словно ювелир, оценивающий бриллиант.

– Марта?

Я сделал привычное движение рукой, пытаюсь поправить очки на носу, чтобы сфокусировать взгляд на грибочке. Но оказалось, что я не носил очков. По моим ощущениям в глазах я понял, что ношу контактные линзы.

– Да, чувак.

Ее открытый глаз перевел взгляд на меня и остановил его на моей руке, а затем снова переместился на грибочек, который она рассматривала. Она еще раз посмотрела на него, потом вернула его в тарелку и выбрала другой.

Никогда не знаешь, чего от нее ждать.

Я посмотрел на свой сэндвич с горелым беконом, желтыми помидорами и увядшим салатом и робко откусил маленький кусочек. Я предполагал, что вкус будет отвратительным, даже несмотря на то огромное количество майонеза, которым я его полил. Вместо этого я был очень удивлен.

Боже, это *лучший* сэндвич с беконом и латуком в моей жизни! – воскликнул я.

К этому моменту Марта изучала уже пятый грибочек. Она взглянула на меня, мимолётно улыбнувшись. Я проглотил сэндвич с жареным картофелем и бросил жадный взгляд на

тарелку Марты.

– Ты собираешься вообще есть свои грибы, или высушишь их и будешь курить? – спросил я.

Марта резко выпрямилась.

– Чувак, я никогда об этом не думала!

Затем ее взгляд остекленел, и, казалось, что она снова соскользнула на более глубокий уровень концентрации сознания, так как машинально сделала рассеянное движение в поисках жаренного картофеля на моем подносе.

Я встал и направился к сервировочному столу. Вернувшись, я снова опустился на стул с привычной гримасой боли на лице, опять забыв, что у меня нет никаких причин кривиться от боли. Взгляд Марты снова переместился от очередного изучаемого грибочка и сфокусировался на мне.

– Что, чувак, спина болит? Потянул во время пробежки или где-то еще?

– Нет, это просто артрит, – ответил я, не подумав.

– У тебя артрит?

Марта тут же перестала щуриться. Теперь на меня смотрели оба ее полуприкрытых глаза.

– Раньше был... Я имею в виду, нет, ну... Может быть, в будущем. Я... не заморачиваюсь.

Марта кивнула, но под полуприкрытыми веками ее глаз явно происходило что-то еще.

Вернувшись к столу после моего третьего похода к сервировочному столу, я заметил, что она расчленила мой жарен-

ный картофель, очевидно позабыв про свои грибы.

– Почему ты совсем не ешь свои грибы?

– Они не для еды, чувак, – ответила Марта.

Она посмотрела вверх и закрыла рот со щелчком.

К тому времени, как я собрался задать новый вопрос, ее рот снова был широко открыт.

– Все они имеют круглую форму и выглядят одинаковыми, но все они разные, и это напоминает вселенную. Я имею в виду, чувак, что всё одинаковое: воздух, животные, минералы, овощи. Правда, эти грибы точно такие же, как твой жаренный картофель, даже если и выглядят разными. Ты просто должен оказаться в правильной реальности. Это как, я в своей реальности, а ты – в своей, чувак. Ты видишь грибы и жаренный картофель, а я вижу... Атомы и молекулы. Ты меня понимаешь?

– Нет, – я почесал затылок и заметил, что у меня нет лысины на макушке. – Чувиха, это великолепно!

С веселым выражением на лице Марта смотрела, как я ощупываю свою голову.

– Эй, странник, не волнуйся. Тебе не нужно искать ее. Твоя голова всё еще на месте.

– Да, но лысина исчезла.

На долю секунды ленивые глаза Марты сузились.

– Никогда не замечала, чтобы у тебя была лысина, – она захихикала. – А теперь скажи мне правду. Это ты из собственного опыта говорил про грибы, которые можно высу-

шить, а потом курить?

– Нет, черт возьми! Только через десять лет я сделаю что-либо подобное.

Марта тихо усмехнулась, но мне снова показалось, что глаза ее слегка сузились. Она лениво потянулась за старомодными часами, сто лет назад женщины носили такие часы в виде брошей на блузках. Бросив взгляд на перевернутый циферблат, она дернулась и вскочила из-за стола.

– Черт! Я опаздываю на лекцию.

Возможно, я сглупил, что решил с ней поговорить.

Она выскочила из кафетерия неуклюжими скачками, оставляя после себя шафранный шлейф.

Именно в тот момент я решил при следующей встрече с Мартой в кафетерии избегать разговоров с ней. Всеми силами души я пытался сохранить рассудок, а напротив меня несколько секунд назад сидела особа, что прилагала все усилия, чтобы утратить собственный. Но как бы там ни было, даже если она и опоздала на лекцию, она, по крайней мере, знала, на какую именно. Я же, с другой стороны, ничего не помнил о том, какие лекции посещал весной 1971. Я также почти ничего не помнил о нашем общении с Мартой, потому что всегда старался избегать ее общества, когда видел ее в кафетерии. Она была слишком костлявой, чтобы привлекать меня внешне, а мне было трудно переводить ее малопонятную болтовню на английский язык 21 века.

С кошачьей грацией я вскочил из-за стола, отнес поднос

на посудомоечный конвейер, прошел через турникет и вернулся в общежитие.

В комнате всё еще стоял запах дыма от пропитанного виски табака, и Гарри всё также горбился над своим письменным столом в световом пятне от включенной настольной лампы.

– Как дела, Гарри? – спросил я тихо, всё еще опасаясь, что он растворится в воздухе, превратившись в волшебную пыльцу.

Гарри едва заметно кивнул, снова погрузившись в учебник по бухгалтерии, а я направился к своему столу в поисках расписания лекций. Я никак не мог его найти пока не залез под стол, где обнаружил его среди клубков давно свалывшейся пыли. Но пока я не знал какой сегодня день, от расписания не было никакого толка. Определить месяц тоже не помешало бы.

– Гарри, какой сегодня день? – крикнул я через комнату.

– Суббота, – ответил Гарри, даже не взглянув на меня.

– Спасибо, а какой месяц?

В этот раз Гарри оторвал взгляд от учебника и посмотрел на меня.

– Ты, наверное, шутишь, Федерсон? – он снова погрузился в чтение.

– Март? – предположил я.

– Федерсон, ты не мог бы прекратить заниматься ерундой?

– Апрель? Сейчас апрель?

Гарри схватил трубку и спички и начал прикуривать.

– Ну, Федерсон, как я понимаю, если ты забыл, когда у нас «Ночь бифштекса» в прошлом месяце, перепутал комнаты в общежитии на прошлой неделе и снова потерял свое расписание. Ты ведь его только что искал, верно? Значит, вполне возможно, что ты действительно не знаешь, какой сейчас месяц. Ладно, сейчас май. Первое мая... Первое мая 1971... 1971 год нашей эры.

– Спасибо, *Гарри*, – произнес я так, словно был ведущим игровой шоу-программы, что собирался представить следующего игрока.

Внезапно я осознал, что чувствую что-то такое, что ускользало от меня на протяжении десятилетий: я был доволен собой. В этот момент я снова почувствовал себя совершенно комфортно от того, что живу в 108 комнате корпуса «Бейли-Холл». Учитывая удовольствие от прослушивания композиции «Летом» чуть раньше, это уже было вторым случаем за сегодняшний день. Рекорд за десять лет жизни!

Гарри вернулся к своим уравнениям, а я стал изучать расписание. Хорошее настроение улетучилось в тот момент, когда я заметил, что алгебра в расписании у меня с понедельника по пятницу в 7:30 утра. Именно из-за этого предмета я вылетел из университета и отправился солдатом во Вьетнам.

Почему, ну почему я поставил алгебру на 7:30 утра?

Тут же оживившиеся гремлины начали громить молотка-

ми ощущение счастья, и, снова возникшее напряжение, заставило мои пальцы инстинктивно вцепиться в расписание с такой силой, что я чуть не разорвал его на две части. Помимо алгебры, у меня были лекции по истории телевидения и радиовещания, а также по психопатологии пять раз в неделю, и по геонауке три раза в неделю. Также, полчаса в неделю я работал в эфире радиостанции WSIU. Я не был в эфире уже лет десять, даже не помню, что у меня был курс по геонауке, а что касается курса по психопатологии, думаю, профессор сдал бы меня в психушку, если бы я рассказал ему о своей внезапной временной петле.

Я сидел за столом, уставившись в окно, за которым уже стемнело. Погруженный в состояние ступора, я смотрел вдаль, пока гремлины забрасывали меня омерзительными мыслями с такой скоростью, что образы занудствующего рта Тамми, зеленой униформы и моего расслаивающегося трейлера начали мерцать в сознании, сливаясь со светом уличных фонарей.

Вдруг я заметил, что свет позади меня тоже начал мерцать. Я повернулся и увидел Гарри, что с расстроенным выражением лица поворачивал гибкую ножку своей настольной лампы. Промелькнула искра. Гарри выпустил из рук лампу, и она упала на столешницу, разбившись от удара. Молниеносным движением Гарри всадил карандаш в плафон.

Дзинь.

– Черт! – печально произнес он.

Я *помнил* этот эпизод! Гремлины прекратили стучать молотком и принялись хохотать также, как и я. Мы хохотали так громко, что я едва мог дышать.

– Гарри, почему, черт побери, ты не купишь новую лампу?
– выдохнул я.

– Эй, чувак, она нормальная, просто...

– Искрит. Просто искрит. Эти искры превратят твой девятнадцатилитровый бидон «Боркум Рифф» в пылающий факел, огонь с которого перекинется на твою бутылку контрабандного спирта, от чего в нашей комнате будет взрыв, общежитие загорится, и сгорит, принеся в жертву остальной «Томпсон-Поинт», и устроив пожар во всем кампусе. Потом...

– *Ладно*, Федерсон, я понял, что ты хотел сказать.

– Просто, если тебе не хочется пользоваться новой лампой, возьми молоток и сделай в ней пару дыр, поцарапай ее гвоздем...

– Чувак, с тобой спорить бессмысленно.

Гарри выдернул шнур лампы из розетки и собрался ложиться спать. Я чувствовал небольшое жжение в глазах, – от усталости из-за катапультирования назад во времени? Я подошел максимально близко к зеркалу и рассмотрел красные сосуды, разбегающиеся от радужной оболочки, поверх которых, словно прозрачные камешки, плавали жесткие контактные линзы. Уже много лет я не мог ничего рассмотреть на таком близком расстоянии без очков для чтения. На тум-

бочке у моей кровати лежали большие очки с толстым стеклом, как в бутылках Кока-колы, с оправой из прессованного плотного пластика. Я вынул контактные линзы, надел очки и посмотрел в зеркало, в котором увидел молодого паренька в больших очках с толстыми стеклами и редкими усами. Я поклялся, что утром обязательно их сбрую.

Смена линз на очки изменила мое зрительное восприятие, из-за чего все предметы теперь казались расположенными дальше, чем на самом деле. Поэтому, когда я хотел поставить контейнер с линзами на тумбочку, с громким хлопком он упал на пол. Пытаясь найти его на полу, я врезался в металлическое мусорное ведро, после чего стукнулся о письменный стол, свалив с него стопку с книгами. Я оглянулся на Гарри, чтобы проверить, не разбудил ли его, но в лунном свете, что просачивался сквозь зазор в портьерах, увидел, что тот крепко спит. Он выглядел так, словно во сне либо играл с конструктором, либо раздевал какую-то девушку.

Первый раз за несколько лет я с легкостью погрузился в сон. И это после трех сэндвичей с бифштексом и латуком, двух тарелок жаренного картофеля, двух кусков яблочного пирога, трех стаканов молока, шести чашек кофе и нервного возбуждения из-за неопределенности по поводу того, переживаю ли я свою жизнь заново, или же вижу самый реальный сон в истории сновидений.

Если это был сон, тогда той ночью я видел сон в собственном сне. Я шел по тропинке, что вилась вокруг кампусного

озера, направляясь к мосту. Вдруг я заметил там силуэт юной девушки. Когда я остановился возле нее, она обернулась, и я ощутил себя так, словно кто-то вылил мне на голову ведро холодной воды.

Это была Кэтрин. С хмурой улыбкой на лице она стояла рядом.

– Привет, странник, – сказала она, после чего ее лицо накрыла тень глубокой грусти. – Боюсь, что, если у тебя не получится в этот раз, ты погибнешь на войне.

Не успел я ответить, она ушла от меня по тропинке и исчезла в тени деревьев, а я проснулся, дрожа от охватившего меня ужаса. Нацепив очки, я взглянул на циферблат радиоприемника с часами – 3:07 ночи. Я снова вспомнил, что этот радиоприемник украли, когда я был бездомным и перебивался в том молодежном хостеле в Сан-Диего.

Я лежал в темноте, уставившись на подсвеченный циферблат, и осознавал, что во всем этом было нечто совершенно очевидное, что я пока не замечал. Я смотрел на циферблат две или три минуты, пока не понял, что что именно должен сделать.

Этот радиоприемник не должны украсть, а я не должен завалить алгебру.

Выбравшись из кровати, я надел халат, прокрался к своему столу, повернул плафон лампы к стене, чтобы не разбудить Гарри, и щелкнул выключателем. В тусклом отсвете желтого света лампы я наклонился к книжной полке и

нашел телефонный справочник. Номер Кэтрин было легко отыскать, потому что в Мёрфисборо, ближайшем к Карбондейлу городе, проживала лишь пара тысяч человек, и только один номер был зарегистрирован на фамилию Манчини. Я принял решение, что утром первым делом позвоню ей.

Потом я нашел свой учебник по алгебре, покрытый тонким слоем пыли. Открыв его на первой странице, я начал читать.

Глава V

Я проснулся от того, что вздрагивал во сне после ночи, что я провел, изучая алгебру и ничего из нее не поняв. Часы на радиоприемнике показывали 9:19, солнечный свет просачивался по краям штор, и сквозь занавеси в комнату врывались потоки прохладного воздуха.

Неужели это правда?

Я вскочил с кровати и одним рывком отдернул шторы, впуская в комнату прекрасное утро Южного Иллинойса. Старомодные машины всё еще проезжали по Линкольн-Драйву, и одетые в архаичные наряды студенты всё так же прогуливались по пешеходным дорожкам. Моя знакомо-незнакомая комната была залита ярким солнечным светом. Та часть, в которой обитал Гарри (он уже проснулся и ушел на занятия), сияла чистотой и порядком, а моя часть была завалена хламом. Да, это было правдой.

Кэтрин!

Я заметил записку с номером ее телефона, приклеенную

скотчем к радиатору над моим столом. Телефон находился меньше, чем в трех шагах от меня, но расстояние между общежитием и домом в Мёрфисборо достигало тринадцати километров.

На столе у меня лежала книга «Укрощение взбудораженного ума: карманный справочник для нервных людей», написанная доктором медицины Робертом Райхманом.

Я открыл ее и нашел подчеркнутые карандашом строчки и прочитал их вслух: «Нервным людям, склонным к навязчивым размышлениям, будет полезно перестать предаваться размышлениям и начать действовать».

Мне было страшно вступать в контакт с моим шатким прошлым, которое должно было стать моим ненадежным будущим, потому как я мог с лёгкостью напортачить и сделать его еще хуже. Мне нужно было перестать думать, преодолеть расстояние от стола к телефону и позвонить. Вместо этого я подобрал несколько разбросанных листов бумаги со своими записками и бросил их в мусорное ведро.

Сначала нужно сделать то, что нужно было сделать давно.

Немного подумав, я понял, что смогу позвонить Кэтрин только, когда обрету ясность мыслей. А сейчас мне было слишком трудно, – нет, невозможно – мыслить ясно о чем-либо с таким беспорядком на письменном столе. Мой письменный стол напоминал мне мой кухонный в 2009 году до того, как я смахнул с него весь хлам на пол трейлера. В другой части комнаты, где обитал Гарри, письменный стол бли-

стал таким же идеальным порядком, как и его ум. Может, если я приберу на своем столе, то в мозгах моих тоже появится порядок, и я смогу позвонить Кэтрин после того, как приведу в порядок стол?

Через час я пристально посмотрел на свой чистый, хорошо отполированный стол: старая настольная лампа с гибкой ножкой стояла в левом углу и отбрасывала круг света на зеленый журнал для записей. Из контейнера для ручек торчали две шариковые ручки, которыми, насколько я помнил, я почти не пользовался. А на маленькой подставке лежал жетон железной дороги «Лонг Айленд Рейлвей» с отпечатанным на нем спешащим на поезд пассажиром. Этот сувенир я привез из Нью-Йорка в 1964 году с «Всемирной ярмарки». Это был единственный раз, когда моя семья провела отпуск вместе. Этот жетон я потерял в 80-х.

И, кажется, другие вещи растерялись тоже. Я изучал комнату беспокойным взглядом в поисках подсказок, пока не остановил его на телефоне на стене. Большой черный ящик со старомодным диском и громоздкой трубкой выглядел бы совершенно нелепо, если бы висел у меня на поясе, как мой мобильный. На моем письменном столе не хватало монитора компьютера, мышки и принтера, а под столешницей на книжной полке – процессора. А на комодe должен был стоять DVD-проигрыватель и телевизор с жидкокристаллическим экраном. Но так как эти технологии еще не были изобретены, то на самом деле я *ничего* не потерял. Так как в 1971

люди всё еще контролировали технику, а не наоборот.

Я сходил в кладовку уборщика в коридоре и нашел швабру, ведро, баночки с мылом для пола и воск. Принеся воду из ванной комнаты, я помыл пол и остальную часть комнаты.

В 11:00 этого утра фотограф из университетской студенческой газеты «Дейли Иджипшн» мог бы сделать снимки комнаты 108 корпуса «Бейли» для конкурса «Лучшая комната кампуса». Единственным недостатком в идеально чистой комнате была просыпанная щепотка табака на столе Гарри.

Пора звонить Кэтрин.

Трясущимся пальцем я прокрутил диск, набрав ее номер. Подождав несколько секунд, я услышал какие-то щелчки, потом смешные сигналы, а затем голос на записи сообщил, что этот номер больше не обслуживается. Я позвонил в справочную, но оператор ответил мне, что в Мёрфисборо не зарегистрирован абонент с фамилией Манчини. Испытывая невероятное отчаяние, я сел на безупречно заправленную кровать и стал снова листать телефонный справочник. В нем *был* номер, зарегистрированный на фамилию Манчини, и я не помнил, чтобы они переезжали.

Может, я вернулся в другое прошлое?

Сидя на кровати я провел полчаса, уставившись на свои скучные кожаные ботинки в бесплодной попытке игнорировать 20-е столетие. В конце концов, ручка двери в коридор провернулась, и в комнату ворвался Гарри, едва заметно

кивнув.

Вместо обычных четырех-пяти книг под рукой, сегодня он появился с единственной коробкой в руках. Я вспомнил, что мой сосед по комнате был человеком с устойчивыми привычками, поэтому эта перемена меня заинтриговала. Он сел за свой стол, открыл коробку так, словно в ней хранилась ваза времен династии Минг, которую он украл из какого-то музея, и вытащил из нее сияющую новизной настольную лампу.

Включив ее в розетку, он щелкнул выключателем в верхней части абажура. Стол тут же осветился мощным теплым потоком света.

– Эй, это просто *крутяк*, Федерсон, – сказал он. – Смотри, чувак, тут есть три уровня настройки... слабый...

Клик.

– средний...

Клик.

– и мощный.

Клик.

Гарри передвигал лампу с одного места на другое, крутил гибкую ножку и постоянно переключал режимы освещения от среднего к мощному.

Я помнил этот момент!

Я помнил, как Гарри купил новую лампу. А если подумать, то я помнил множество событий из 70-х.

– Никсон уйдет в отставку в 1974! – пробормотал я.

– Что ты сказал, Федерсон? – пробурчал Гарри, не отры-

ваясь от книги.

– Я сказал... классная лампа и...

Я безжалостно сжимал тот 38-летний блок моей памяти, пока, наконец, что-то не просочилось наружу.

– Гарри, пристегивай ремень безопасности, когда будешь ехать в машине.

– Что? Что там насчет ремня, Федерсон? – Гарри поднял взгляд от книги.

– Ты скоро попадешь в ДТП. Белка, или что-то подобное, выскочит перед машиной и, если ты не будешь пристегнут, ты попадешь больницу с сотрясением мозга и огромной шишкой на лбу. С правой стороны, кажется.

Гарри смотрел на меня в шоке.

– Федерсон, что за жуткие вещи ты несешь? – он потянулся за трубкой.

– Гарри, пообещай мне. *Пообещай* мне, что будешь пристегивать этот чертов ремень безопасности.

– Ладно, Федерсон, буду.

Но я ему не верил.

С ошеломленным выражением лица Гарри установил средний режим освещения на своей лампе, закурил трубку, после чего вернулся к занятиям, очевидно, даже не заметив сияющий, только что натертый воском, пол.

Я четко помнил все исторические события будущего вплоть до 2009 года, но чем дальше я возвращался назад в прошлое, тем более смутными становились мои воспоминания.

нения о мировых событиях. Бордовый механический карандаш, оставленный мне солдатом в поезде, лежал у меня под рукой. Я взял его. Казалось, он идеально подходил моей руке. Не задумываясь, я начал делать записи аккуратным красивым почерком, – нечто, чего я не делал на протяжении десятилетий.

1 Никсон уйдет в отставку в 1974 из-за его роли в прикрытии несанкционированного проникновения в штаб демократов в отеле «Уотергейт».

2 Джеральд Форд станет президентом. После него должность президента будут занимать Джимми Картер, Рональд Рейган, Джордж Буш Старший, Билл Клинтон, Джордж В. Буш младший и Барак Обама.

3 Инфляция достигнет двузначного числа в 70-х.

4 В 1975 фильм «Полет над гнездом кукушки» получит премию «Оскар» за лучший фильм.

5. Космический шаттл «Челленджер» взорвется в воздухе вскоре после запуска в 1984 году (кажется).

6. ПК будет изобретен в 70-х годах и станет массово использоваться в 90-х, также, как и интернет.

7. Холодная война закончится в 1991.

8. 9/11

8. «Чикаго Уайт Сокс» выиграт в Мировой серии в 2005, впервые за 88 лет.

10. Великая рецессия начнется в 2007 году.

11. Барак Обама, первый президент афроамериканец, бу-

дет избран на пост в 2008 году.

12. В мае 2009 внутриматериковый ураган пронесется по Южному Иллинойсу, став причиной значительных разрушений.

13. В октябре 2009 Питер Федерсон будет выдернут назад в 1971.

Я нашел красный маркер в ящике своего стола и написал печатными буквами в верхней части:

ЧТО Я ЗНАЮ

А потом приклеил скотчем этот список на стену над столом.

Вскоре Гарри закрыл книгу, поставил ее на полку и встал, собираясь уходить.

– Идешь на обед, Федерсон?

– Нет, мне нужно кое-что сделать.

Я все равно не был голоден.

Тучи затянули небо, в воздухе пахло дождем, и гремлины, что процветали в пасмурную погоду, уже приготовились дергать меня за нервы. Я уже знал, что за этим последует.

Не думай... действуй!

Я отодвинул складывающуюся гармошкой дверь шкафа из светлой древесины и почувствовал себя так, словно вторгся на чужую территорию: мои собственные тридцать семь лет жизни сразу же испарились. Некоторые вещи висели на плечиках, остальные лежали сложенными на полках.

Какой яркий ассортимент: ярко-красные брюки клёш с

отворотами, рубашки с огромными воротниками, широкие пестрые галстуки резких, ярких цветов... стиль одежды, что в любую другую эпоху считался бы абсурдным. Я нашел жестянку с аспирином в кипе одежды, – возможно, полезная штука от головной боли, вызванной видом этой безвкусной кучи тканей.

Одежда в комодe выглядела так, словно ее вывалили из той же сумки, что вытряхнули на мой стол до того, как я сделал уборку. Сероватое нижнее белье, пара водолазок, две пары новых джинсов, которые были твердыми, как трупы, безнадежно измятая бордовая толстовка с эмблемой SIU в белом круге на груди. Но в верхнем ящике комода царил идеальный порядок, – пары носков, свернутые вместе.

– Некоторые вещи никогда не меняются, – пробормотал я, вспоминая, что ящик для носков в моем трейлере был в точно таком же идеальном порядке.

И там же, в стенном шкафу, висел проект дня – десять килограммов одежды, втиснутые в пакет, рассчитанный на пять килограмм.

Спустившись в прачечную в подвальном этаже, я запихнул одежду в стиральную машину, что тогда стоило всего лишь 10 центов за загрузку, включил стирку и вернулся в комнату. Вернувшись через полчаса, я увидел, что сушильный аппарат, в котором лежала чужая сухая одежда, уже выключился. Аккуратно вынув чужие вещи, я сложил их опрятной стопкой на столе прачечной, а в сушильный аппарат за-

грузил свои. Через полчаса, насвистывая этюд Шопена, я торопливо спустился в прачечную, чтобы забрать свои чистые вещи, но... в сушильном аппарате их не было... Они валялись на полу.

Взбешенный, я принялся поднимать их с пола, когда услышал за спиной:

– Слышишь ты, осел, не трогай мои вещи. Ты меня слышишь?

Я повернулся и увидел высокого парня, что уставился на меня сквозь зло прищуренные веки. Под футболкой его играли накачанные мускулы.

– Они выглядели сухими, – сказал я, ощущая, как гремлины начинают дергать меня за ниточки нервов.

– Чушь собачья!

Казалось, парень вот-вот бросится на меня. Сжимая в руках свои влажные вещи, я осторожно отступил несколько шагов назад, а потом бросился из прачечной и вверх по лестнице. Это был тот самый инцидент, что не давал мне покоя почти сорок лет. Он стал для меня сокрушительным психологическим ударом. Трясущимися руками, чувствуя поднимающийся в душе гнев, я открыл книгу Фон Рейхмана.

«Нервный человек должен понимать, что у других людей тоже есть мнения, и они отличаются от его собственного», – прочитал я громко.

– Бред сивой кобылы!

«Когда вас кто-то раздражает, вы сами должны решить,

позволите ли вы себе поддаться раздражению или нет».

... Да, позволю!

«Смех и гнев сочетаются, как бензин и вода».

Вот оно!

Мне нужно было срочно начать смеяться, или мне придется жить с этим кошмаром следующие сорок лет.

«Действия, совершаемые ради реализуемой цели, почти всегда уменьшают нервозность», – прочитал я.

Когда я снова спустился в подвал, эта громадная ходячая реклама университетской вступительной кампании стояла, прислонившись к ящику.

– Ты абсолютно прав, – сказал я, проносясь мимо.

Злобный парень курил сигарету. Он взглянул на меня с насмешливым выражением, а потом затушил окурок каблучком.

– Что ты, черт возьми, имеешь в виду? – спросил он и сплюнул.

– Я имею в виду... что с такой влажностью одежда сохнет долго.

– Это всё? – спросил он, кинув на меня косой взгляд.

– Да, вот, – ответил я и дал ему два десятипенсовика, – это тебе, чтобы хорошо всё высушить. Я имею в виду, я забрал твое время на сушку, и забыл, что в прачечной ужасно влажно.

Я провел рукой по бровям, вытирая их. Парень взял десятипенсовики и вставил их в слот сушильного аппарата, и,

как я и надеялся, он увеличил температуру, установив на отметке «высокая». Ни слова ни сказав, он снова сел у стола, достал еще одну сигарету из кармана и хмуро подкурил.

Час спустя я удобно сидел в комнате, расположив ноги на столешнице, и наблюдал в окно, как этот дикарь медленно бредет по Поинт-Драйву со своим новым другом – гремлином, что измывался надо мной на протяжении сорока лет. Парень был зол, как черт, – на плече у него болтались рубашки и брюки, измятые, как бумага, которую сначала скомкали в руке, а потом попытались расправить. Сколько бы я ни вспоминал эту картину, занимаясь стиркой, этот конкретный греmlin больше никогда не станет дергать меня за ниточки нервов.

Мой метод избавления от симптомов нервного напряжения, возможно, не встретил бы одобрения у доктора Фон Рейхмана, но он сработал, и я сделал глубокий, свободный от какого-либо мандража, вдох отличного, влажного воздуха. Именно тогда я заметил потускневшую записку, приклеенную к радиатору желтым, вспучившего пузырями, скотчем. На этой записке некоторое время назад я написал:

«В будущем неизвестности не больше, чем в настоящем».
(Уолт Уитмэн)

Я вытащил листок бумаги и взял механический карандаш. Может, проснувшись завтра утром, я окажусь снова в 2009, или в каком-нибудь другом году. Или наоборот, мне придется пережить большую часть своей жизни заново. Я посмотрю.

рел на дуб, растущий за окном. Он всё еще будет там в 2009, так же, как и я, так или иначе.

Теперь, что же я хочу от будущего?

Честно? Я больше не хотел быть бедным, но при этом я не обладал достаточной стрессоустойчивостью, чтобы долго удержаться на стрессовой работе. И пока я не смогу купить новую и улучшенную нервную систему, все виды деятельности будут для меня стрессовыми. Мне нужны были альтернативные способы зарабатывания денег. Мне было нужно критически оценить свой финансовый капитал.

Капитал!

Я принялся писать:

ФИНАНСЫ

Акции компаний, что будут оставаться ценными следующие сорок лет:

General Electric

IBM

Microsoft

Southwest Airlines

Dell

Apple

Family Dollar Stores

Boeing

Всё, что мне было нужно, это лишние 200 баксов каждый месяц для инвестиций в акции, которые, как я знал, будут высоко цениться. И тогда в сорок лет я буду вполне обеспе-

ченным человеком. Я продолжал писать:

РАБОТА

Работа ведущим на радио и телевидении включает в себя постоянный стресс, но именно к этой работе у меня есть талант и предрасположенность.

Радиопередачи со знаменитостями – это всегда стресс.

Всё, связанное с телевидением и радиовещанием, – всегда стресс.

Ни при каких условиях я не хотел больше ввязываться в еще одну временную, с неполной занятостью и без какой-либо страховки, работу подобную работе в «Тестинг Анлимитед». Мне нужно было научиться выдерживать стресс труда на радиостанции среднего или главного рынка, так как где-нибудь в другом месте будут платить не лучше, чем в «Тестинг Анлимитед». Мне необходимо научиться контролировать свою нервную систему. Радиостанция WSIU поможет мне:

Укрепить мою нервную систему, практикуя методы, описанные в книге Фон Рейхмана, каждый раз, когда я буду работать на WSIU.

Если я не буду пить, курить траву или принимать наркотики и буду придерживаться составленного плана, я смогу добиться успеха в жизни во время второй попытки. Я прикрепил этот новый лист на стене над письменным столом рядом с листом «Что я знаю».

Тем временем дождь прекратился и сквозь деревья нача-

ло проглядывать солнце. Я решил, что могу порадовать себя ностальгической прогулкой по кампусу.

Университетский кампус выглядел, как компьютерная заставка с видами из прошлого. Возможно, если бы не живописная роща в центре кампуса, не сверкающая поверхность озера в южной его части, и не Линкольн-Драйв, огибающий «Поинт» красивым изгибом, то кампус не был бы столь совершенен. Я бывал во многих университетах страны, но этот был моим самым любимым. Это была моя «альма матер».

Проходя мимо здания факультета сельского хозяйства на Линкольн-Драйв, я увидел картину, что, как и многие другие за последние 24 часа, выглядела сюрреалистически знакомой, но мне никак не удавалось понять, чем именно. Навстречу мне шел пожилой человек в серых клёшах и голубой пестрой рубашке с огромным воротником.

Наверное, профессор.

Но по мере его приближения в моей памяти всплыло фото из газеты «Дейли Иджипшн», и я вспомнил, кем был этот пожилой человек. Это был не профессор, а студент, который на восьмом десятке учился в одном из самых бурных университетов страны, проживая в общежитии и посещая лекции в компании сумасшедших подростков. Это был он, со своим белым ремнем на брюках и туфлях под цвет ремня. Сжимая в руках потертый старомодный портфель, он медленно шел мимо строительной площадки будущего второго корпуса факультета естественных наук. Мы кивнули друг другу в знак

приветствия, и после этого я вспомнил еще одну статью из университетской газеты, осознав, что сейчас прохожу мимо призрака. Старик умер незадолго до окончания университета.

Я предположил, что это был один из первых призраков, что мне предстояло увидеть в 1971. Вернувшись в свою комнату и посмотрев в зеркало, я понял, что 20-летнего парнишки, которого я едва помнил, и который раньше обитал в моем теле, больше нет. Так что в некотором роде я тоже был призраком.

Взяв с книжной полки антологию рассказов о Шерлоке Холмсе, я начал читать рассказ «Собака Баскервиллей». Я должен был свыкнуться с мыслью, что каждый, кого я встречу в 1971, в 2009 будет уже совершенно другим человеком, если проживет так долго.

Именно поэтому человек из 21-го века, живущий теперь в 20, сидел сейчас, погружившись в чтение о выдуманном сыщике из 19-го века.

К тому времени, как Гарри снова вернулся в комнату, снова лил дождь, причем с такой силой, что тротуар тонул в тумане из дождевых брызг. Мой сосед по комнате промок до нитки и теперь оставлял после себя лужи воды, что капала с одежды.

– Привет, Гарри, на улице дождь?

Ко мне снова вернулось хорошее настроение.

– Нет, кусок дерьма, я выгуливал свою форель.

Он быстро взглянул на часы, вытерся полотенцем и поспешил к своему переносному телевизору.

«Бамп-Бампа-Дампа-Бамп» – послышалось из телевизора, как только Гарри настроил антенну.

«Жизнерадостный... Это «Счастливей час польки» с Марвом Войчеховским!» – сообщил бодрый ведущий с чёрно-белого экрана.

Я и забыл об этом.

Спустив ноги со столешницы, я подошел к телевизору. Там показывали Марва, стоящего под дождем из пузырей.

«А теперь, прекра-асные люди, сестры Бронски спают вам песню популярной рок-группы «Би-итлс»!

Сестры Бронские спели «Ночь тяжелых дней» под аккомпанемент струнного оркестра, губной гармоники и аккордеона.

– Гарри, ты, наверное, шутишь, – пробормотал я, невольно поморщившись.

– Заткнись, Федерсон, – ответил Гарри.

На экране тем временем Марв в парике в стиле «Битлз» представил Ларри Бананзевинского, что начал исполнять композицию «Восемь дней в году».

– Но Марв Войчеховский? Если здесь кто-нибудь об этом узнает, тебя выгонят из университета. Ни один студент 70-х никогда не смотрит Марва Войчеховского, в особенности, если он учится в SIU.

– Я смотрю его, Федерсон. Это хорошее чистое развлече-

ние, так что можешь меня укусить!

Гарри сидел перед телевизором в полном восторге и смотрел как Ларри поет своим пронизывающим тенором.

Он был также очарован этой программой, как психологией Фрейда, охотой на уток, математическим анализом, упражнениями с гирями и Библией. Я понятия не имел, почему ему нравится «Счастливые часы польки с Марвом Войчеховским!» Что ж, пришло время это узнать. Дождавшись рекламы таблеток для печени, я начал разговор.

– Гарри, почему ты смотришь Марва Войчеховского?

Он оторвал взгляд от телевизора и посмотрел на меня. В его взгляде читалось, что подобных вопросов его сосед по комнате еще не задавал.

– Нет, чувак. Это личное.

– Что может быть личного в том, чтобы смотреть программу Марва Войчеховского.

Гарри посмотрел на дождь за окном и пожал плечами.

– Ладно, Федерсон, я расскажу тебе. В детстве я был членом банды в Ист-Сент-Луисе и меня повязали с наркотой. Судья отправил меня в колонию для несовершеннолетних, и этот телеканал был единственным, что ловил тюремный телек. Вечером по субботам у нас было время просмотра телевизора, а в семь вечера показывали программу «Счастливые часы польки». Марв стал для меня первым примером, у которого я научился поведению людей среднего класса.

– Но, Гарри, это ведь не... Это всё ненастоящее.

– Да, я знаю, Федерсон. Но это было только начало. Позже преподобный Маттингли обучил меня хорошим манерам, и я принял решение, что, вернувшись домой, стану на правильный путь и завяжу с наркотиками совсем. Через несколько лет я получил аттестат о среднем образовании и подал документы в университет SIU. Сам же тем временем работал на разных работах: официантом, продавцом мороженого, дворником и в таком же роде. Я сдал пару экзаменов, и оказалось, что у меня есть способности к экономике. Вот так я и стал студентом, получающим стипендию. И всё это началось благодаря Марвину Войчеховскому.

Эти несколько фраз сказали мне больше, чем я когда-либо знал о Гарри Смикусе. Впервые за всё время. Мы не знали историй друг друга, потому что это не имело для нас никакого значения. Мы с Гарри принимали друг друга такими, как есть.

– Гарри, а ты знаешь, что, если бы ты пропустил эту программу, то мог бы посмотреть ее позже, причем много раз.

– Отлично, Федерсон, но я хочу посмотреть ее прямо сейчас. Так что заткнись, реклама заканчивается.

Да, «Счастливейший час польки» с Марвом будет преследовать Гарри в 21-м веке снова и снова. Я опять кинул взгляд на цитату Уитмена, приклеенную скотчем к батарее. Рядом с ней висело расписание моих лекций. Часы на радиоприемнике показывали 7:58... Осталось чуть больше четырех часов до начала завтрашнего дня. Дня, когда понедельник станет

настоящим, и я начну улучшать свои оценки, личную жизнь, характер и свое будущее. Я изучу книгу доктора Фон Рейхмана, найду Кэтрин и стану посещать лекции. Но алгебра в 7:30 утра? Я, наверное, рехнулся, если поставил ее в такую рань!

Глава VI

Следующим утром я проснулся под жуткий гул, после которого из моего радиоприемника раздались звуки чикагской песни «Кто-нибудь знает, который сейчас на самом деле час?». Я пропустил привычное блуждание пошатывающейся походкой, долгое потягивание кофе и поиски газеты, и сразу же перешел к неистовому бредовому ужасу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.